

ЛЕВ ПРОЗОРОВ

ТРИ БЕСТСЕЛЛЕРА ОДНИМ ТОМОМ!

РУССКИЕ КОРНИ

МЫ ДЕРЖИМ НЕБО

Языческая Русь

Лев Прозоров

**Русские корни. Мы
держим Небо (сборник)**

«Яуза»

2012

Прозоров Л. Р.

Русские корни. Мы держим Небо (сборник) / Л. Р. Прозоров — «Яуза», 2012 — (Языческая Русь)

Три бестселлера одним томом! Ведущий историк Языческой Руси против церковных мифов и псевдо-«научного» официоза. Запретная правда о могучих корнях русского племени, раскинувшихся «от моря до моря», от Балтики до Кавказа, «из варяг в греки». Дань светлой памяти наших арийских предков, создавших великую языческую цивилизацию, которая не уступала ни Священной Римской Империи, ни могущественной Византии. Подлинная история славной былинной эпохи, когда Русские люди на равных спорили с богами, держали на богатырских плечах Небо и ни перед кем не преклоняли колен! Языческое паломничество на нашу легендарную Прародину, в нашу славянскую Атлантиду – утерянный рай Русского народа.

© Прозоров Л. Р., 2012

© Яуза, 2012

Содержание

Варяжская Русь	5
Пролог	6
Глава I	8
Глава II	12
Глава III	21
Глава IV	38
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Лев Прозоров
Русские корни. Мы держим Небо.
Три бестселлера одним томом

Варяжская Русь
Наша славянская Атлантида

Посвящения

Богам и людям Варяжской Руси.

А.Ф. Гильфердингу, С.А. Геденову, А.И. Павинскому, И.А. Лебедеву, А.А. Котляревскому, Д.Н. Егорову, А.Г. Кузьмину, С.Н. Азбелеву, В.И. Меркулову, В.В. Фомину
И с огромной благодарностью за терпение моему редактору Л. Незвинской.

ПРЕУВЕДОМЛЕНИЕ!

Тем, кому нравится думать, что славяне только земелюшку пахали да водили в веночках печальные хороводы босиком по травке, эта книга может оказаться крайне неприятной.

Пролог

– Вот если бы дело касалось Тутанхамона или иссохших африканцев, невесть почему сохранившихся на другом конце света; если бы это был Вавилон, или Китай, или какая-нибудь раса, столь же далекая и таинственная, как «лунный человек», – вот тогда ваши газеты поведали бы об этом все, вплоть до зубной щетки или запонки. Но о людях, которые построили ваши приходские храмы, дали названия вашим городам и ремеслам, даже дорогам, по которым вы ходите, – о них вам никогда не хотелось что-либо узнать...
«Проклятие золотого креста» Г.К. Честертон

Что представляется нам при словах «исчезнувшая цивилизация»?

Кишащие змеями руины в сердце ядовитых джунглей, оплетенные лианами личины причудливых идолов, поседевшие от жаркого солнца и песчаных ветров камни пирамид, древний храм на дне океана, на минуту возникающий в иллюминаторе субмарины. Что-то чужое и далекое, растворившееся во мраке тысячелетий.

Но, оказывается, бездна забвения поглощает цивилизации столь же надежно, как океанская пучина, и не требуется долгих эпох, чтоб целый мир превратился в сказку, а сказка – забылась.

Не на далеком континенте, не в допотопные времена, не так уж далеко от нас – здесь, в Европе, менее тысячи лет назад, погибла целая цивилизация. Не ищите книг о ней на полках магазинов и библиотек – ей уже очень давно не посвящали книг. Об этой цивилизации не сняли ни одного фильма. Только немногие знают названия ее многолюдных городов, имена диковинных многоглавых кумиров, которым она поклонялась, названия битв, кипевших на ее берегах. Для большинства же читателей само ее существование остается в неизвестности – легендарной Атлантиде Платона в этом отношении повезло больше. Вот тут и книги, и фильмы... а многим ли что-то скажут имена велетов и рериков? Скольким известно, что такое Ретра – нет, не ретро, а именно Ретра? А Волын – не Волынь на Украине, а именно Волын – кто помнит, что город с таким названием когда-то называли «самым большим городом в Европе»? А что знаете про Винету – нет, нет, не про Виннету, вождя краснокожих, а именно про Вине`ту?

Все это тем более удивительно, что носители этой цивилизации – не атланты, погибшие без наследников, погрузившись «в один день и одну бедственную ночь» в пучины одноименного океана, не этруски или шумеры, чей язык был непонятен пришедшим им на смену народам (что не мешает огромному количеству людей записываться в их потомки). Кровь творцов и героев исчезнувшей цивилизации течет в нынешних народах, обитающих на берегах Балтики. «Осси» – восточный немец – или датчанин, швед или уроженец балтийского побережья Польши, латыш или эстонец с высокой вероятностью несут в себе ту или иную долю их крови, ежедневно проходят по городам, холмам и берегам, названным на языке той цивилизации. И в особенности все это относится к русским.

Наш народ, наша страна обязаны существованием именно этой цивилизации. Ее кровь течет в наших жилах, ее язык – родня нашему, ее выходцы проложили торговые и военные пути по нашим землям и закладывали на них до сих пор стоящие города. Она дала нам первых князей.

И тем не менее – мы забыли о них. Для огромного большинства русских то, о чем я буду говорить в этой книге, окажется новостью, может даже показаться фантастикой, выдумкой, на которую столь щедры иные рассказы об исчезнувших цивилизациях, забытых народах, затерянных мирах.

Тем нужней мой рассказ. Рассказ об исконной, изначальной варяжской Руси, нашей, славянской Атлантиде.

Глава I

Почему мы знаем о ней так мало

*Летописей не сохранилось.
Собираем мозаику по кусочкам.
Труды дореволюционных ученых.
Семьдесят лет молчания.*

*Сей кубок чадам древних лет!
Вам слава, наши деды!
Друзья, уже могущих нет;
Уж нет вождей победы;
Их дома вихорь разметал;
Их гробы срыли плуги;
И пламень ржавчины сожрал
Их шлемы и кольчуги...*

В.А. Жуковский

К сожалению, погибшая на южных берегах Балтийского моря цивилизация не оставила для нас своих летописей. Если нечто подобное и велось – то только при языческих храмах, и, нет сомнения, должно было погибнуть вместе с ними от рук носителей новой веры, будь то чужаки-германцы или свои, – зачастую новообращенные становятся нетерпимее, чем самые фанатичные из обративших. Некому было записать и предания. Чуть больше обычного повезло преданиям генеалогическим – родословным потомков знати варяжской Руси, принявших чужую веру и чужой язык, но сохранивших память об именах и родстве великих предков. Впрочем, и эти генеалогии дошли до нас в очень поздних, XVI–XIX веков, списках. И это все. В результате историю этих народов приходится собирать буквально по кусочкам – по чужеземным, зачастую враждебным, хроникам франков, датчан и саксов, путевым заметкам путешественников, житиям тех, кто «просвещал» варяжские берега чужеземной верой, договорам, грамотам, картам, преданиям и сагам, по фольклору покинувших прародину потомков, по памяти земли – археологии – и памяти языка. Интересно, что сохранилось от этой цивилизации больше, чем думают, – иное дело, никто не торопится обнародовать сохранившееся, и бесценный памятник, алтарь языческого Бога, привезенный трофеем, свидетельством торжества новой веры, в христианский храм, успешно долежал там до нового времени, а потом отправился в местный краеведческий музей, где и пребывает, оставаясь неизвестным потомкам своих почитателей. Точно так же в далекой Англии сохраняются названия, памятники морских походов с южного берега Балтики, причем не захоластные деревушки, а целые графства – но, полагаю, их жители также в основном пребывают в неведении о людях, которым обязаны названиями родных мест. Полезные сведения о славянской Атлантиде могут содержать даже, например, гербы водворившейся на ее землях, и частично происходящей от ее князей и рыцарей, знати: они сохранили самые разнообразные сведения о предках своих обладателей – от их верований до головных уборов.

Нельзя сказать, чтоб цивилизации балтийских славян вообще не посвящали книг. В свое время они были весьма популярной темой. Началось это в середине XIX столетия, когда национальные чувства и славян, и германцев были на подъеме. Германия шла к объединению, появились и панславистские настроения, и судьба балтийской Руси, протекавшая как раз на границе славянского и германского миров, не могла остаться вне внимания.

Первым, специально посвященным нашей теме исследованием, был объемный труд Александра Федоровича Гильфердинга (известного собирателя русских былин и видного дея-

теля славянофильского движения), вышедший в 1855 году «История балтийских славян». Спустя шесть лет исследователь издал следующую часть своей работы «Борьба славян с немцами на Балтийском поморье в средние века». Эта интереснейшая, полная полезных сведений книга по сей день читается с огромным интересом. Хотя славянофильские убеждения автора очень сильно сказываются на каждой странице. Когда Гильфердинг простодушно объясняет, как «славян *естественно стремил*о все далее на запад», а саксы, жившие в устье Эльбы, вынуждены были отбиваться от них, а спустя несколько страниц жалуется, что соседство хищных германцев испортило «славянское племя, вообще такое миролюбивое и кроткое», не знаешь, то ли смеяться, то ли плакать. И это повторяется постоянно – оплакивается некое качество, которое-де несчастные славяне утратили в результате соседства с германцами; иной раз кажется, что Александра Федоровича более огорчает не покорение славян германским оружием, не сожженные города и обращенные в рабов пленники, а то, что гадкие германцы научили невинных ободритов и велетов таким ужасам, как воинственность, наследственная аристократия, почитание личных Богов и пр.

Между тем стоит посмотреть на славян в других краях – и там обнаруживается точно то же самое, притом с первых их упоминаний. Вспомним, скажем, сохраненный византийским летописцем Менандром ответ славянского вождя Дабриты послам аварского кагана: «Родился ли на свете и согревается ли лучами солнца тот человек, который бы подчинил себе силу нашу? Не другие нашу землю, а мы чужую привыкли обладать. И в этом мы уверены, пока будут на свете война и мечи». Много ли кротости и миролюбия в этих словах? Да слова словами – а когда славяне вторгались на Балканы, захлестнув их до самого Пелопонесса-Мореи, когда они доходили до Италии, внушая ужас римскому папе – тогда они тоже были кроткими и миролюбивыми? А разве не упоминает Иордан – и многие другие писатели после него – племенную знать антов и славян? А Прокопий – не упоминает ли в самом первом подробном рассказе о быте и нравах тех же славян и антов о почитании ими Бога-Громовержца? И все это – еще в VI–VII веках.

Или еще – опять же злые германцы осквернили чистую проповедь христовой веры славянам «родовой враждой», «духом исключительности». И однако, вот странность: сам же Гильфердинг рассказывает о многолетнем – если не о многовековом – союзе язычников-саксов и фризов с язычниками-велетами. Он же, цитируя Титмара, говорит о том, что саксы признавали благородство славянской знати (речь о пленнице, ставшей матерью епископа Магдебургского Вильгельма). Он, наконец, описывает, как знатный сакс, понося ободрита, употребляет *евангельское* сравнение язычника с псом. Так родовая ли гордыня мешала «христианскому братству» – или пришлая вера ссорила считавшие друг дружку ровней племена?

Если же не обращать внимания на эти идеологические издержки, книга очень хороша и познавательна.

Еще десять лет спустя увидел свет труд польского слависта Адольфа Ивановича Павинского «Полабские славяне в борьбе с немцами в VIII–XIII вв.». О настрое книги говорит название. Впрочем, «с той стороны» выходили не менее, гм, заостренные произведения. А вот двухтомник И.А. Лебедева «Последняя борьба балтийских славян против онемечения» (1876), невзирая на еще более драматичный заголовок, серьезнее. Первый том вообще целиком и полностью посвящен анализу источников – впервые в отечественной литературе по этой теме.

Вышедшая в 1874 году фундаментальная работа Александра Александровича Котляревского (более известного исследованиями русского язычества) посвящена праву балтийских славян.

Венчает эту плеяду Д.Н. Егоров с двухтомником «Славяно-германские отношения в средние века. Колонизация Мекленбурга», появившимся в печати за два года до революции. Хотя многие считают его работу чересчур скептической – очень уж остро критикует он и некоторые источники (особенно достается Гельмольду), и своих предшественников, но тем не

менее эта книга во многом воистину итоговая. Соглашаться с Дмитрием Николаевичем или нет – дело каждого, но прочесть однозначно стоит. Во-первых, потому, что в книге много сведений, не встречающихся более нигде. Во-вторых, потому, что мысли, высказанные Егоровым в своей работе, применимы отнюдь не только к тем вопросам, которые он рассматривает в своей книге.

А в-третьих – потому, что это последняя книга, вышедшая по этой теме на русском языке.

Да, читатель, совершенно верно – последняя... ну, вплоть до той, что Вы сейчас держите в руках.

Писали ведь. Работали, многотомные монографии составляли. Я ведь назвал здесь только самые крупные труды, самых именитых авторов, не упомянув Первольфа, Будиловича, Филипова, Флоринского и многих иных. Вообще в стороне оставил пока работы Гедеонова, Забелина, в которых южный берег Варяжского моря увязывался с темой происхождения Руси и ее первых князей. Легко подсчитать – в среднем в Российской империи с середины XIX столетия каждые десять лет выходило примерно по одной фундаментальной работе, посвященной славянскому населению южного берега Балтики. А вот после революции, за все семьдесят лет и за двадцать последующих – ни одной. Совсем. Вообще. Абсолютно. Ни толстых книг, ни тонких, ни в два тома, ни в один. Даже в самый разгар заигрывания со славянами, в сороковых-пятидесятых, когда «кремлевский горец» провозгласил себя и свою партию «новыми славянофилами» – книг на «заговоренную» тему не вышло. Казалось бы, это онемеченная знать Российской империи могла иметь причины замалчивать загубленную не без участия германцев цивилизацию – ан нет, замалчивали не они.

Даже той же Атлантиде посвятила советская наука объемистый том (Н.Ф. Жирова, «Атлантида», 1964 год, если кому интересно). Но только не «славянской Атлантиде»...

Ладно, не пишете сами. Так переиздайте! Нет. Не переиздавалось что-то...

Выходили статьи – в сборниках и специальных журналах. Особенно отмечу статьи, посвященные связи славянской Атлантиды с началом Руси – Вилинбахова, Энгватова, Кузьмина, – но и это были лишь статьи, несравнимые по объему с фундаментальными трудами Гедеонова или Забелина и остававшиеся в основном неизвестными широкому основному большинству читателей. Но не более. В книгах по истории славянства поминали многовековую историю южно-балтийских насельников несколькими страницами в самом лучшем случае. Чаще же всего ее вытаскивали на свет краешком в несколько строчек, попрекая германцев и вообще «Запад» их уничтожением. Создатели «самого большого города Европы» своего времени оказывались в одном ряду с тасманийцами или могиканами.

Это все, читатель, мы с Вами говорили про науку. В художественной литературе было примерно то же самое. «Рюген, с его грозными божеествами, и загадочные поморяне, и полабские славяне, называвшие луну Леуной, лишь отчасти затронуты в песнях Алексея Толстого», – написал когда-то Велимир Хлебников, и с тех пор изменилось очень мало.

Ну и, наконец, приведу еще один пример. Наверняка Вам, читатель, доводилось слышать про великого русского композитора Николая Андреевича Римского-Корсакова. Да-да, «Садко», «Сказка о царе Салтане», «Снегурочка», «Золотой петушок», «Сказание о невидимом граде Китеже» – его оперы всегда на слуху. И даже если Вы не любитель оперы, Вы слышали его музыку – в сказочных фильмах или в мультках.

Но если только Вы не фанат его творчества или не настолько увлечены балтийским славянством, варяжской Русью, как автор этих строк, то вряд ли Вы слышали про его оперу-балет «Млада», трагическую историю княжны из Арконы, ее возлюбленного Яромира и злодейки-соперницы Войславы.

И вот по ней Вы точно не видели ни фильмов, ни мультфильмов, ни, скорее всего, театральных постановок. Потому что оперу эту давным-давно не ставили.

При жизни автора в Мариинке несколько раз было – и все. Вообще все, понимаете? При советской власти каждая из опер композитора по многу раз была поставлена во множестве теат-

ров – и «Кошей Бессмертный», и «Сказка о царе Салтане», я уж про «Снегурочку» и «Садко» не говорю. А «Млада» – нет.

Это единственная опера у Римского-Корсакова... нет, не так. Это – *единственная опера*, посвященная балтийским славянам.

В такой обстановке тотального замалчивания неудивительно, что огромная масса русских читателей вовсе не имеет представления о варяжской Руси.

А вот почему такая обстановка сложилась вокруг нее... Это уже совсем другой вопрос, уважаемый читатель. И мы о нем поговорим попозже.

Пока же в завершение первой главы: особенно обидно, что за рубежом про эту цивилизацию знают хоть и немного, но все-таки знают. Я вот тут, в очередной раз посетив столицу нашей все еще необъятной страны, полистал забавную детскую книжицу «Викинги идут» некоего Маури Кунноса.

Посмеялся приключениям скандинавов (ну Боги бессмертные, когда уже перестанут употреблять слово «викинг» как синоним слову «скандинав», нести чушь про «богов викингов», «женщин викингов» и «королей викингов»?!. Впрочем, позже и до этого дойдет речь в свое время), изображенных в виде различных зверюшек. Естественно, жители остальных стран в том же стиле: князь Ярослав Мудрый – волк, император Византии, хе-хе, бегемот.

Но не суть.

А обратил внимание вот на что – в сем труде западного автора, для западного читателя изданного, как нечто хорошо знакомое упоминаются венды. То викинг Гуннар, стремясь добиться благосклонности девушки, хвастается победой над вендами, то Олаф, вожак ватаги, стремясь залучить в свои ряды простодушного здоровилу-берсерка, рассказывает тому, что его, Олафа, сестру «похитили злые венды».

То есть даже детишки там у них в курсе, что были такие венды, и что они даже бедолагами-неудачниками, которых обижали злые германцы, вовсе не были, а были довольно серьезными ребятами, от которых и норманны могли получить немало неприятностей.

Ну а теперь откройте мне отечественную детскую книжку про начало Руси или про эпоху викингов. И покажите мне там слово «венды». Причем чтоб это была не очередная фантастика от «Белого города», а вменяемая детская книга. Чтобы венды воспринимались в одном ряду не с «влесовой книгой», «арийским спасителем Бусом Белояром» и прочими вышне-крышнями, а с реальными событиями истории.

Покажите, пожалуйста!

Я «благодарствую» скажу.

Это о детях. Взрослые читатели-англосаксы – или, шире говоря, англоязычные читатели – могут познакомиться с работой Эрика Кристиансена «The Northern Crusades». Немцы – с трудом Йохима Хермана «Die Slawen in Deutschland». Полагаю, бессмысленным будет вопрошать, почему эти труды не переведены у нас.

Глава II

Во тьме немых эпох: от боевых топоров до венеков

На ощупь во тьму веков. Мошь и бессилие археологии. Боевые Топоры – первый «натиск на восток». Лужицкая культура – современница Трои и скифов. Подклешевые погребения. На свет источников. Загадка венеков. «Лишь бы не славяне». Пришельцы или туземцы? Теория «германских остатков». Суовены и велеты Птолемея

*Молчат гробницы, мумии и кости,
Лишь слову жизнь дана.
Из тьмы веков на мировом погосте
Звучат лишь письмена.*

Валерий Брюсов

Эти слова великого русского поэта очень точно описывают сложность проблемы, встающую перед исследователями истории любого народа, не оставившего после себя письменных памятников. Археология – свидетель, увы, немой. На каком языке говорили люди той или иной культуры, к какому народу принадлежали – сама она ответить не может. Зачастую одна и та же культура, скажем, именьковская в среднем Поволжье, в трудах разных исследователей становится, в зависимости от их взглядов, то славянской, то угорской, то тюркской. Что говорить о том, как распознать по археологическим остаткам народы, меньше отличающиеся друг от друга?! Буквально – на ощупь.

Археология говорит нам, что у берегов, на которых возникла варяжская Русь, давняя и славная история. Мы можем определить, как жили, где бывали, с кем общались жители южной Балтики – но не можем назвать не то что их имен, Богов, которым они поклонялись, битв, в которых они одерживали победы или терпели поражения, – даже о языке, на котором они говорили, мы можем только строить предположения. Пять с лишним тысяч лет назад на тех берегах, о которых мы ведем речь, зародилась так называемая культура Боевых Топоров. Ее представители великолепно овладели шлифованием камня – из него и были их топоры, приручали скот, возможно, владели и кой-каким земледелием, разобрались и в непростом искусстве плавки меди и бронзы. Передовые отряды Боевых Топоров – фатьяновцы, балановцы, абашевцы – в первый раз в человеческой истории прошли в «натиске на Восток» от берегов будущего Варяжского моря, Балтики, к берегам Оки, Волги, Дона и Камы.

В Московском историческом музее можно увидеть их керамику, каменное оружие и выразительную бронзовую скульптуру Галичского клада. Именно они, а не мифические «финно-угры», освоили дебри будущего русского Залесья. Одни исследователи видели в Боевых Топорах индоевропейцев вообще, общих предков народов, разнесших индоевропейские языки до Ирландии на западе и Индии на востоке. Другие видели в них тевтонов, уже тогда творивших «дранг нах остен», неся троглодитам свет первой культуры – как нетрудно догадаться, такие теории пользовались особой популярностью в Германии. Третьи выбирали, так сказать, золотую середину, видя в них общих предков – но не всех индоевропейцев, а только германцев, славян и балтов (латышей, литовцев и еще нескольких народов, которые к нашему времени растворились в русских, белорусах, поляках и немцах). Наконец, не так давно американская исследовательница литовского происхождения Мария Гимбутас¹ выдвинула версию,

¹ Увы, в США не слишком хорошо разбираются в чужих культурных тонкостях – Гимбутас мужская фамилия, по обычаям

что Боевые Топоры были предками именно и собственно балтов. То есть, конечно, понятно, что всяк кулик хвалит свое болото (за исключением разве тех, что водятся в наших краях), но миссис Гимбутас указала на серьезные основания для своего предположения – а именно, на гидронимию, иначе говоря, названия рек и озер. Как-то так получилось, что крепче всего держатся в людской памяти названия не городов и сел (эти, как мы вдосталь налюбовались за прошлый век, могут на протяжении одного столетия сменить наименование трижды – скажем, Петербург в течение XX века успел побывать Петроградом, Ленинградом и, наконец, опять Петербургом, ненамного отстал Царицын – Сталинград – Волгоград), не гор и лесов, а именно водоемов. Так вот, Мария Гимбутас установила, что практически на всех обширных землях, по которым расселились когда-то Боевые Топоры, есть балтские названия. Не является исключением – это, читатель, я попрошу Вас запомнить, нам еще предстоит вернуться к этому обстоятельству – и Варяжское побережье, вплоть до Ютландии. Что, если и не доказывает теорию Гимбутас, то придает ее предположению некоторый вес.

Как можно видеть, разброс мнений чрезвычайно велик. Так же непросто обстоят дела и с лужицкой культурой, считающейся (и опять же, отнюдь не всеми археологами!) наследницей одной из ветвей Боевых Топоров. Тут даже с географическими границами нет полной ясности – на одних схемах лужицкая культура «отлучена» от Балтики, зато простирается на юг к Адриатическому, захлестывая аж север Италии! А вот на других на юг она заходит едва ли дальше истоков Одры, зато «получает» выход к Балтийскому морю – между устьями Вислы и той же Одрой. Возникла она тридцать два века назад, когда еще стояла Троя, блистали Микены, на Крите «посреди виноцветного моря» таился в Лабиринте Минотавр – а закончилась ее история за четыре века до начала христианского летоисчисления, когда триста спартанских воинов царя Леонида вошли в историю своим подвигом, а в степях к северу от Черного моря – Понта Эвксинского – клонилось к скорому закату скифское царство. Неподдалеку от Гнезно, на озере Бискупин («Епископское»), археологи нашли в торфе отлично сохранившееся городище – остатки древнего укрепленного поселения лужицких времен. Торф сберег все – рыболовные сети и горшки, лодки и колеса... Теперь на месте самого выдающегося памятника лужицкой культуры стоит музей под открытым небом, огромная реконструкция, посетив которую каждый может хоть на минуту погрузиться в ту далекую эпоху.

Если Боевые Топоры были преимущественно скотоводами, то люди лужицкой культуры – по преимуществу земледельцы, причем земледельцы весьма оседлые – судя по кладбищам, использовавшимся веками. Если Боевые Топоры хоронили покойников в земле, что дало нам возможность узнать об их внешнем облике, то лужицкая культура лишила нас этой возможности, перейдя к трупосожжению.

По этому поводу Б.А. Рыбаков сделал очень странный комментарий, связав переход от земляных могил к погребальным кострам с переходом от веры в переселение душ к вере в мир иной, куда уходят покойники. Очень, очень странная мысль – ведь страна, в которой по сию пору большинство населения свято верит в переселение душ (помните – «хорошую религию придумали индусы?»), и сейчас сжигает покойников на кострах, а христианская культура, напрочь отрицая переселение душ, столь же решительно выступает и против кремации, а мертвых именно хоронит.

По обычаю бескурганых погребений сожженного праха в урнах лужицкую культуру, вкупе с родственными ей, называли культурами полей погребальных урн.

Если Боевые Топоры еще стояли одной ногою в каменном веке, представители лужицкой культуры (очень хочется сократить это громоздкое определение до «лужичане», но во избежание путаницы с племенем лужичан, о которых будем упоминать позднее, воздержусь) были уже полноправными представителями века металлов – их орудия были из бронзы, а впоследствии

предков Марии следовало бы зваться Гимбутене. А так вышло нечто вроде Natasha Rasputin из американских комиксов.

появились и железные. Среди прочего, люди той эпохи делали и бронзовые бритвы. Знали они и торговлю: в их поселениях часто находят предметы из дальних земель – Средиземноморья и скифской степи. Впрочем, не все находки такого рода говорят о торговле – массовые находки скифских стрел на иных городищах рассказывают скорее о дальних набегах кочевников – и о том, что южные края лужицкой культуры казались им желанной, богатой добычей.

Еще, кстати, Рыбаков мельком упомянул о «подражании» позднему линейному письму критян, найденному у жителей лужицкой культуры. К сожалению, тему эту он не развил – хотя, казалось бы, что может быть интересней? Немой свидетель мог обрести голос – хотя бы на пару слов. Но по ним можно было бы хотя бы угадать его язык!

Одни из исследователей относят лужицкую культуру к, понятное дело, германцам, другие – к зашедшим далеко на север иллирийцам (предкам современных албанцев), третьи – к фракийцам, родичам знаменитого Спартака, четвертые – к кельтам, наконец, немало исследователей относило их к праславянам.

Выдающийся археолог В.В. Седов, ныне, к сожалению, покойный, полагал лужицкую культуру колыбелью целого ряда европейских народов – германцев, кельтов, славян, италиков – в общем, всех крупных этносов центральной Европы.

По соседству с лужицкой культурой на берегу Балтики располагалась родственная ей поморская. У нее был достаточно любопытный обычай – верх урны, в которую ссыпался прах покойного после сожжения тела на костре, изображался в виде головы человека с лицом. Интересно, что этой голове иногда приделывали глиняные уши с глиняными же серьгами – благодаря чему мы знаем, что этот обычай на юге Балтики возник уже тогда. Иногда в глиняных ушах женских головок вставлено несколько глиняных сережек – по всему, любительницы пирсинга имели в той эпохе достойных предшественниц. Крышки на урны делали в виде шапок – круглых шапок с меховой опушкой, точно таких же, которые будут в ходу на Руси вплоть до Петровских реформ.

На стыке лужицкой и поморской культур образовалась культура подклешевых погребений. Называется она так потому, что покойников в ней хоронили не в изысканных лицевых урнах, а в горшках попроще, накрытых сверху мисками, «клешами» по-польски. Именно с подклешевой культурой Седов связывает возникновение славян. В те времена предки славян активно общались с кельтами гальштатской и латенской культур, заселявшими тогда юг Польши и Чехию – немецкое название Чехии, Богемия, сохранило название одного из кельтских племен – бойев.

Во времена следующей, пшеворской культуры, берега Балтики, наконец, попадают в поле зрения историков Средиземноморья. Из тьмы доисторических, бесписьменных времен мы выходим на свет исторических источников – свет, по правде сказать, пока довольно тусклый.

Первым он выхватывает из тьмы слово «венеды».

Собственно, похоже на то, что народов с таким названием в Европе было не то два, не то даже три. Были адриатические венеты или энеты, которых греческие легенды выводили из Трои. Памятники их языка сохранились – и они имеют немного общего со славянами. Гораздо интереснее в этом отношении венеды балтийские, о которых здесь в основном и будет говориться. Кем были те венеды, с которыми Юлий Цезарь столкнулся в северной Галлии, – еще одним народом-тезкой или балтийскими венедами, сказать трудно.

О балтийских венедах впервые мы узнаем из заметок Корнелия Непота, который рассказывает, как к берегам северной Германии в 58 году прибило бурей корабль... индов. Вино вато здесь не только созвучие, но и географические представления древних – они верили, что Индийский океан соединяется с северными морями. Исследователи не сомневаются, что в виду имелись именно венеды (виниды, винды в некоторых написаниях).

Более подробно балтийских венедов первым (опять-таки, если не с ними имел дело Цезарь) описал Публий Корнелий Тацит в своем сочинении «О происхождении германцев

и местоположении Германии». Он расположил их между следующими племенами: свевами (предками нынешних швабов) на западе, певкинами или бастарнами на юге, сарматами на юго-востоке и фенами (саамами, лопарями – предки эстонцев и финнов вышли к Балтийскому морю позднее, по оценке финского филолога Сятелё, только к 5 веку) на северо-востоке.

«Отнести ли певкинов, венедов и феннов к германцам или сарматам, право, не знаю, хотя певкины, которых некоторые называют бастарнами, речью, образом жизни, оседлостью и жилищами повторяют германцев. Неопрятность у всех, праздность и косность среди знати. Из-за смешанных браков их облик становится все безобразнее, и они приобретают черты сарматов. Венеды приняли многое из их нравов, ибо ради грабежа рыщут по лесам и горам, какие только не существуют между певкинами и феннами. Однако их скорее можно причислить к германцам, потому что они сооружают себе дома, носят щиты и передвигаются пешими, и притом с большой быстротой; все это отмежевывает их от сарматов, проводящих всю жизнь в повозке и на коне».

Я настоятельно рекомендую, читатель, запомнить этот небольшой шедевр римской этнографии. Германец – это такой европейский варвар, который не сармат. И все. Остальное неважно. *Tertium non datur*, третьего не дано. Из трех племен – даже феннов-лопарей! – Публий Корнелий Тацит только в отношении певкинов-бастарнов вспомнил про язык, про то, что нам сегодня, говоря о родстве народов, приходит в голову первым делом. Для Тацита же язык не столь принципиален: ходишь пешком, живешь в доме, укрываешься за щитом – замечательно, ты германец.

Не так уж и задолго до того Гай Юлий Цезарь также безмятежно определил германцев в разновидность галлов. Боюсь, и тут большую роль сыграли общие привычки – ну, например, ношение штанов и нежелание бриться и стричься по-римски, – чем какие-то иные критерии.

Поэтому о «германстве» племени можно заключать только в том случае, если есть свидетельства о его языке. Например, про лангобардов-винулов их историк Павел Диакон пишет: «Ведь на их языке слово «lang» означает «длинный», а «bart» – борода». Тут можно говорить о германском происхождении племени. Нельзя отлучить от германцев и готов, хотя в источниках и упоминаются между германскими их именами, такими, как Германарих, Атаульф, скажем, или Ульфила, и имена совсем иного звучания – Годила, Витимир, Вадемерка. Эти имена могут говорить о том, что готами иногда называли примкнувшими к племенному союзу готов славян или о переходе имен от славян к готам – как и славяне иногда перенимали имена соседей. Но собственно готский язык был германский, и сие, как ни разочарует это иных читателей, неоспоримо. Латинская эпиграмма «Варварские пиршества» сетует на то, что под звуки готской речи «Eils! ...scaria matzia ia drincan» никто больше не слагает стихи. Думаю, «heil» и «drinken» опознает даже не слишком знакомый с германскими языками человек. Более того, германский язык готов засвидетельствовал через много веков францисканский монах Гийом Рубрук, ездивший от римского папы к хану монголов в 1253 году. В Крыму, как утверждал он, «было много готов, язык которых германский (teutonicum)». Если уж готы говорили по-германски даже в Крыму тринадцатого века, где им определено не от кого было «набраться» этого, то тем более мы не имеем основания сомневаться в их германоязычии за тысячу лет до того.

Вернемся, однако, к венедам.

Явившись в сочинении Тацита, венеды кочуют по страницам сочинений географов Вечного города без особых приключений полтысячи лет. Малозначительные расхождения в определении их точного месторасположения естественны, и трудно сказать – отмечают ли они изменения реальных границ племени, или всего лишь разницу во взглядах и познаниях информаторов римских мудрецов. Мы узнаем названия тех или иных племен, что живут неподалеку от них, но это, пожалуй, и все. Ни про обычаи, ни про язык – ни слова. Сыны Волчицы не зря славились прагматизмом – с венедом не воюют, и, видимо, всерьез не торгуют, – чего ж зря

переводить ценный папирус? Да, есть такие. Живут во-о-о-н там (а может, на три сандалиии правее... или левее). И все, чего вам еще?

Дело сдвинулось с мертвой точки, когда за стилос – или за перо – взялись те самые народы, что жили неподалеку от венецов и успели с ними навоеваться вдоволь – ну и наторговаться, я думаю, тоже.

Готский историк Иордан в труде «О происхождении и деяниях гетов» пишет так: «В Скифии первыми с запада живет племя гепидов, окруженное великими и славными реками; на севере и северо-западе протекает Тизия; с юга эту же область отсекает сам великий Данубий (Дунай. – *Л. П.*), а с востока – Флютавизий; стремительный и полный водоворотом, он, ярься, катится в воды Истра (тоже Дунай. – *Л. П.*). Между этими реками лежит Дакия, которую, наподобие короны, ограждают скалистые Альпы. У левого их склона, спускающегося к северу, начиная от места рождения реки Вистулы (Вислы. А парой строчек позже путаник Иордан обзовет ее же уже Висклой. – *Л. П.*), на безмерных пространствах расположилось многолюдное племя венетов. Хотя их наименования теперь меняются соответственно различным родам и местностям, все же преимущественно они называются склавенами и антами.

(...)

Эти венеты, как мы уже рассказывали в начале нашего изложения... происходят от одного корня и ныне известны под тремя именами: венетов, антов, склавенов. Хотя теперь, по грехам нашим, они свирепствуют повсеместно, но тогда все они подчинялись власти Германариха».

Вот так – получается, что готы, долго и крепко воевавшие с венетами-венедами, числили их прямой родней славян. И другие германцы, кстати, тоже. Конкретнее, это имя закрепилось у германцев за западными славянами, в особенности – за племенами южного берега Балтики, создателями той цивилизации, о которой я собираюсь Вам, читатель, рассказать.

Утверждают, что сами славяне никогда себя так не называли, и никто, кроме немцев их так не звал. И то, и другое неправда. Свою речь называли «венской», *wenske*, еще полабские венды из окрестностей Люнебурга, сохранившие свой язык до XVIII века, до эпохи составления словарей. И, что значительно интереснее, прибалтийские финны – то есть собственно финны-суоми и эстонцы – до сих пор называют русских соответственно *venaja* и *vene* или *venelainen*. Подобное единодушие между немцами и финскими племенами, до крестовых походов XII века почти не имевшими шанс пообщаться, вряд ли могло бы возникнуть, если бы сам народ – точнее, сами народы – юга Балтики не называли себя так.

Отмечу и еще одно обстоятельство. Очень интересно, в каком тоне Иордан, гот, представитель племени, никем и никогда не замеченного в пацифизме, отзывается о венетах и их сородичах: «по грехам нашим, они свирепствуют повсеместно». Впрочем, и Тацит высказывается о них в совершенно том же духе: «ради грабежа рыщут по лесам и горам, какие только не существуют между певкинами и феннами».

Первый век, между прочим. Что там Александр Федорович Гильфердинг толковал про «кроткий и миролюбивый характер»? Или злые германцы успели его так покорежить уже ко временам Тацита?

К сожалению, в археологических, лингвистических и исторических кругах сейчас стало модно отрицать любые свидетельства о славянах до VI века. Дескать, только в это время появились упоминания о славянах, а значит, до того никаких славян быть не могло. И венецы, таким образом, славянами быть не могут – так как нагло существовали задолго до ставшей сакральной даты.

Такой блестящий исследовательский метод применяется только к славянам. Никто не стесняется говорить об угрох, скажем, за века до того, как в десятом столетии о них впервые упомянули источники. Никого не смущает, что тевтоны и кимвры повстречались греческому мореплавателю Питфею задолго до того, как Юлий Цезарь впервые упомянул о германцах. Нет,

такие строгие требования предъявляют к славянам – только и исключительно. Точно так же обстоят дела и с атрибуцией археологических культур, и с прочтением незнакомых имен... иной раз может показаться, что основной критерий такой научности «только бы не славяне!». Тюрки или балты, кельты или иранцы, скандинавы или финны, конечно. Но не славяне. Нельзя. Это относится не только к эпохе до VI века. Но к ней – в первую очередь.

Только этим настроением, царящим в ученых кругах, настроением в самом прямом и буквальном смысле славянофобским, могу я объяснить тот факт, что славянство балтийских венедов, невзирая на свидетельство двух неродственных друг другу языков и ясное указание хрониста-гота из далекого шестого столетия, упрямо не то что оспаривается – отвергается с порога.

Сейчас, после кончины археолога Седова и лингвиста Трубачева, такое настроение, боюсь, станет всеобщим.

Между тем оно мешает. Вполне ощутимо мешает разобраться во множестве загадок истории, в том числе нашей.

В частности, мешает дать напрашивающийся и естественный ответ на один вопрос истории южного побережья Балтики и прилегающих земель, а именно: куда делось «дославянское» население этих земель, когда туда пришли славяне? Традиционно считается, что эти места заселяли «германцы». Считается так, разумеется, потому, что так писали римляне. Остальные соседи этих земель, равно как и само их население, письменных мемуаров не оставило. А методы, которыми римляне отличали германцев от негерманцев, мы уже знаем. Говоря кратко, население интересных нам краев ходило пешком чаще, чем ездило верхом (но все же совсем уж пешеходами не были – шпоры появляются в культурных слоях местных городищ и селищ довольно рано), жило в домах, а не в кибитках и использовало в бою щиты. Ах да, с высокой долей уверенности можно утверждать, что сарматами они не были. Вот, собственно, и всё, что следует из того, что эти народы в римских источниках отнесены к германцам.

Официальная точка зрения гласит, что обитавшие в тех местах германские племена ушли оттуда на завоевание Римской империи, а на освобожденных ими территориях расселились славяне. Другая версия утверждает, что германские племена были выметены оттуда нашествием Агилы (про это пугало тогдашней «прогрессивной общественности» мы тоже скажем несколько слов, но позже). Все эти красивые версии разбиваются об один печальный для их сторонников факт. Названия большинства славянских племен и племенных союзов междуречья Лабы (Эльбы) и Одры (Одера) очень близко воспроизводят названия племен «восточных германцев», заселявших их во времена, так сказать, классической античности, или, иначе говоря, расцвета Римской империи.

Вот таблица соответствий, выведенная В.П. Кобычевым в 1970-х годах нашего столетия. Слева – племена римской эпохи, справа – их славянские «наследники».

Лугии	Лужичане
Ругии	Ругяне или руяне
Силинги	Слензяне
Вельты	Велеты-лютичи
Лемовии	Лемузы
Марсинги	Марачане (мораване)
Гелизии	Геленсичи
Хатты	Хуттичи
Дидуны	Дедошане
Хизо- [барды]	Хижане
[Ланго]-барды	Бодричи
Земноны	Земчичи
Боланы	Поляне
Вандалы	Венеды
Варины, варны	Варны

Здесь разве что параллель лангобарды-бодричи выглядит натянутой. Тем паче, что, как мы еще будем говорить, никаких бодричей не было, а были ободриты (в свою очередь, лангобарды обрели такое имя, только уйдя с прародины, а до этого они величались винулами, согласно их летописцу Павлу Диакону). С другой стороны, список можно и дополнить – например, упоминаемые Иорданом грани поразительно напоминают украин – и по звучанию, и по значению.

Значительность этого обстоятельства подчеркивает его полнейшая уникальность. Более нигде в славянском мире имена племен не повторяют племенные названия дославянских туземцев в таком объеме. Самое большее, что можно вспомнить по этому поводу – сербское племя дуклян на месте эллинской Диоклеи, и северян на Десне, чье имя подозрительно похоже на название сарматского племени савар, живших на этом месте.

Но это и все. И на Востоке, и на Юге славянства дукляне с северянами представляют скорее исключение, чем правило. В целом же – на место истров, либурнов, мезеев приходят требуняне и захлумяне. На смену будинам, неврам, гелонам – дреговичи, древляне, поляне. У смолян, милингов, езеричей, верзичей и ваюничей нет никаких предшественников-тезок на землях Балканского полуострова. А соседящее с ними племя дреговичей вообще являет собой пример яркой приверженности славян племенным названиям пращуров – ведь «дреговичи» происходит от слово «дрягва», болото – не самая характерная деталь для балканского ландшафта! Название говорит нам, что его носители пришли на каменистые холмы Элады из топких сырых мест.

И только на крайнем западе славянства, в междуречье Лабы и Одры, исключение становится правилом. Что как минимум обозначает, что никакая орда Аттилы никаких первоначальных

сельников не смела – иначе от кого славяне узнали бы потом все эти имена и названия? Не по римским же картам они шли к Лабе?!

Кстати говоря, непонятно и иное – куда же ушли эти племена, освободившие-де место славянам добровольно или под настоятельным воздействием Аттилы? Ведь кроме вандалов и ругов (о которых у нас тоже пойдет еще особый разговор) ни одно из перечисленных «германских» племен не проявило себя на землях рушащейся Римской империи! Мы нигде вне очерченных Лабой и Одрюю границ не встретим ни луга, ни хизобарда, ни варна...

Тут родилась иная теория – теория «германских остатков». Якобы германские племена на самом деле остались на своих местах, славянское население было сравнительно малочисленно и поверхностно. Потому-то, мол, и дались эти земли германцам так *легко*, потому и изгладилась память о славянах, их языке и обычаях так *быстро*, что славян была горстка промеж оставшихся на своих местах аборигенах (говорили даже о немецком простонародье и славянских господах!). Как легко догадаться, такая теория была порождена «сумрачным германским гением». Тут все шло в дело – и явно подложные списки первых любекских ратманов, где немецкие имена соединялись с заведомо вымышленными фамилиями вроде «фон Аркона», «фон Юлин» (кто б еще сказал, что жителям этих далеких городов делать в совете Любека) и пр., и обмолвка англо-норманнского хрониста Ордерики Виталия, утверждавшего, что лютичи поклоняются-де... «Гводану, Туру и Фрейе». Ведь ясно, кажется, что Ордерик попросту перенес на лютичей веру своих земляков-язычников – так автор «Сказания о Мамаевом побоище», не мудрствуя лукаво, заставлял «поганого» Мамаю взывать к Перуну и Хорсу, так саги викингов описывали «капища Тора» в финской Биармии, так Юлий Цезарь уверенно называл галльских Богов Юпитером, Аполлоном, Марсом, Меркурием и Венерой. Первым же из известных нам прибег к этому приему «Отец истории» Геродот – он рассказывал соотечественникам-афинянам, что в Египте Ареса, бога войны, почитают с головою сокола, а в Скифии – вообще в виде воткнутого в грудь хвороста меча.

Я не буду сейчас рассказывать, как «легко» и «быстро» происходила германизация славянской Атлантиды. Об этом поговорим попозже. Но теория германских остатков натывается на два непреодолимых препятствия – во-первых, свидетельства христианских миссионеров, посещавших земли ободритов и поморян. Они немало странствовали по землям к Востоку от Лабы, описали города и языческие храмы², озера и дубравы, но ни полусловом нигде не намекнули о повстречавшихся им людях, которые бы говорили на понятном и знакомом им германском языке! А ведь, согласно теории германских остатков, таких людей должно было остаться значительное множество, если не большинство!

Предположим, что проповедники как-то пропустили такое «малозаметное» обстоятельство, как присутствие в вендских землях множества своих соплеменников. Но есть и еще одно препятствие – язык земли, название сел, хуторов, рек, урочищ. Очень часто, даже когда прежние хозяева земли оттеснены или истреблены, память о них сохраняет именно язык земли, топонимика. Чтоб не погружаться за примером в глубь веков и не вступать на скользкую дорожку сомнительных этимологий вроде поиска «финских» корней для названий Ильмень, Суздаль, Москва, Рязань, которыми до сих пор балуются горе-лингвисты, возьмем пример поочевиднее. Среди Соединенных Штатов Америки двадцать пять носят имена, восходящие к языкам краснокожих аборигенов – Юта, Айова, Техас, Висконсин, Алабама и многие, многие другие. Так что, останься на землях между Одрюю и Лабой значительное количество германцев, их присутствие отразилось бы в названиях.

² Кстати, храмов «Гводена, Тура и Фрейи» они нигде не увидели, это только Ордерику из далекой Британии могло прийтись подобное.

И тут тоже с германством «не срастается». Если мы посмотрим на старинные, средневековые³ карты и земельные грамоты – в них часто переселяются поселения и всяческие географические ориентиры – мы увидим, что названия мест в этих краях отражают отнюдь не германскую речь.

Тут есть Барновичи, Вершичи, Гостирадичи, Мыследаржичи, есть Гориславь, Даргомышль, Тешимирь, Хотин, Славятин, Чехов, есть Борки, Подлуги, Уезд, Рыбница, Кремень, Глина и Заезерье, есть Ратае, Свинаре и Ковале, есть Лупигловы и Белокуры, есть Поздиволк, Турин, Могилин, Торгов. Есть Белбог, Радигощ, Перун, Святогора и Требница.

А вот с германскими названиями туго.

Так что лично я предпочту считать, что перечисленные племена были венецкими, славянскими.

Ну вот, например, возьмем края варинов-варнов. Как раз те, кто должен был бы входить в число «германских остатков», по мысли создателей этой теории.

В 1232 году там находились: озеро Варинское, речка Тепница, ручей Студеный (как я уже говорил, озера, реки и прочие водоемы самый надежный индикатор, в Новой Англии, где никаких индейцев нет уже лет триста-четыре, большинство названий рек и озер – индейские). Кроме того, мы встречаем там болото Голенский луг (Guolenske lug), Живанов лес, речка Рострубовица, озеро Душинское, ручей Душница, озеро Бельчь, село Предел между Язвинами и Вановыми могилами (Wanove mogili), Махначи, Мирово, Погловы, Долгие Луги и Водровый Лаз.

Не знаю, читатель, как вы, а по мне так все это оставили скорее славяне, чем германцы.

Что интересно – упоминавшаяся уже Мария Гимбутас признает первым упоминанием славян «суовенов» на карте Птоломея (II век). Напомню еще раз – американка литовского происхождения, человек, которого в славянофильстве может обвинить только очень уж упертый параноик. А отечественные исследователи как вцепились в VI век, так и не желают видеть ничего славянского за этой границей – ни отдельных слов, ни названий племен, впоследствии появляющихся в качестве заведомых славян, ни собственно своего фетиша – «общеславянского самоназвания». Они настаивают на позднейшей описке, превращая суовенов в ставанов и почему-то считая их балтами – хотя подобное племя истории балтских народов неизвестно. Но... не славяне – значит, научно.

«Племя»⁴, о котором я говорю, это велеты. С ними нам много раз придется сталкиваться на страницах этой книги, первый же случай их упоминания – та же карта Птоломея, рядом с суовенами.

Во времена Птоломея славяне уже жили на варяжских берегах.

³ Это должны быть именно средневековые карты. Современные названия, даже и восходящие временами к славянским, за века изменились до неузнаваемости. Может выйти конфуз, как с тем же Гильфердингом, который, увидев на карте своего времени словечко Ziesag, решил, что славяне слышали про Цезарей. На самом деле на средневековых картах это название фигурирует как Заезерье – слово, нет спору, славянское, но никаких цезарей...

⁴ Точнее, союз племен, если использовать язык этнографической науки, «княжение», «земля», если выбрать определения русской летописи, или, если обратиться к терминам византийских хронистов, «Славиния».

Глава III

В зареве великих пожаров: от падения Рима до Браваллы

Родословные вендских князей. Радагайс. Крок, Крак, Краки. Загадка гунинов. Руги-федераты – варяги-русь? Одоакр, первый герой Руси. «Тидрек-сага». «Утрехтский летописец» – велеты против короля Артура. Фризско-саксо-велетский союз. Вендель. Скандинавия: таинственный конунг Висбур. Посланицы с гусями: «благородные дикари»? Шпионы? Волхвы? Битвы за Данию: Саксон Грамматик. Бравалльская битва – конец легенды, начало истории.

Ну, а зная все это, мы не можем отмахиваться от данных родословных мекленбургских князей, что опубликовал на русском языке Всеволод Игоревич Меркулов. Правители Мекленбурга происходили от вендских князей и ничуть не скрывали этого, наоборот – гордились. Согласно их родовым преданиям, предком-родоначальником их был Радегаст – Радагайс или Редегаст римских историков, вождь варваров, который в свое время внушал Вечному городу и доживавшей последние годы империи не меньший ужас, чем Атиллы. Он представлен в хрониках (особенно авторов-христиан) как варвар из варваров, страшнее любых готов и вандалов – ибо вожди тех уже в основном были христианами, а Радагайс ярый язычник. «Варвар из варваров», кроме того, предводительствовал не взбунтовавшимися римскими солдатами варварского происхождения, а ордой диких племен, живших «от Дуная до Рейна» (то есть как раз в тех местах, где обитали венеды, луги, велеты, варны, суовены и прочие), его полчища, уверяли испуганные римляне, насчитывали двести или даже четыреста тысяч воинов. В Риме взбурлила смута, подняли голову язычники, видевшие в Радегасте кару древних Богов оставившему их Городу, христианские летописцы с негодованием упоминают о возобновившихся жертвоприношениях у старых алтарей. Остановить варваров удалось буквально на пороге Рима, в теснинах северной Италии, но войска для этого собирали со всей империи, наняли конные отряды гунна Ульдина и алана Гоара, остроготскую пехоту. Подтянули легионы даже от далекой Британии – и больше туда Рим не вернулся. Войсками империи руководил лучший полководец того времени – Стилихон – кстати, сам полуварвар. Но только благодаря переметнувшемуся готам Радагайса-Радегаста удалось разбить. Олимпиодор утверждает, что лучших людей («оптиматов») Радегаста, взятых в плен, Стилихон взял в свою гвардию. Правда, Олимпиодор называет совершенно несусветную численность этих «оптиматов» – в двенадцать тысяч. Это какая ж была у Стилихона гвардия? Даже если предположить, что накинули лишний нолик⁵, все равно изрядно...

Стилихон, бывший истовым христианином, после победы над язычником Радегастом решил приструнить и своих приверженцев старины – чтоб не вздумали говорить, что это Боги вняли их мольбам и защитили Город! Он предал огню святыню римских Богов – пророческие свитки Сивиллы.

Через три года Стилихон был убит по приказу своего воспитанника, императора Гонория.

Еще через два года войско христианина-варвара Алариха впервые за многие века вошло в Вечный город, предав столицу империи огню и железу.

А память о Радагайсе-Радегасте многие исследователи видят в почитании бога-воина Радегаста-Сварожича в земле велетского племени ратарей, описанного средневековыми миссионерами и хронистами.

⁵ Хотя... а как тут накинешь? Там же наверняка римские цифры были, а в них, например, 5 будет V, 50 это L, а 500 – D. Тут ноликом не обойдешься...

Согласно генеалогии Бухгольца, сыном Радегаста был Крок. С этим именем связан ряд легенд, причем не только славянских. Скажем, у чехов Крок почитается, как древний справедливый правитель, скорее праведный и мудрый судья, чем военный вождь. Согласно легенде, ему наследовала одна из трех дочерей, которые все были ведуньями-жрицами. Другая вышла замуж за богатыря по имени Бивой, голыми руками победившего вепря-людоеда. У поляков есть предание о князе по имени Крак, мудром и справедливым правителе, основателе Кракова, которому наследовала дочь-ведунья Ванда. На сходство этих легенд давно обратили внимание. А вот мне довелось обратить внимание на другое интересное соответствие. Есть датская легенда о Хрольфе Краки, конунге, прославленном более мудростью и справедливостью, чем подвигами на поле брани или военными походами, – для скандинавских легенд герой не вполне обычный. Как и время Крака в жизни поляков, Крока – в чешской истории, правление Краки воспринималось как этакий золотой век местного значения. Как и они, он не имел сыновей. Как и им, ему наследовала дочь-колдунья Скульд. Но вот тут уже вступал со своим голосом скандинавский менталитет. К магии, тем более женской, скандинавы задолго до крещения относились вполне однозначно. В саге дочь Краки изображена злобной ведьмой, погубившей отца и разрушившей плоды многих лет его заботы о земле и народе. Примечательней же всего было то, что жил на свете Краки как раз в те годы, что и Крок из родословной – если он действительно приходился сыном Радегасту-Радагайсу.

Через некоторое время я наткнулся на статью Мелетинского об англосаксонском эпосе, в котором он указывал на параллели между героями англо-саксонского «Беовульфа» и датской саги о Хрольфе Краки. Сам конунг там едва упоминался, как Хротульф, а еще указывалось на параллель между Беовульфом (т. е. «пчелиным волком», «Медведем») и Бодваром Бьярки («Медвежонком»), героем и победителем чудовищ из дружины Краки. И тут я вспомнил о мелькнувшей у меня мысли – когда всплыли параллели между Краком, Кроком, Краки и их вещими дочерьми, поневоле припомнился Бивой, и подумалось – да не Беовульф ли это? Оказывается, вполне возможно.

И вырисовалась примерно вот такая таблица соответствий между западнославянскими и скандинавскими героями:

	Чешские легенды	Польские легенды	Сага о Хрольфе Краки	Беовульф
Миролюбивый, но мудрый и праведный правитель локального «Золотого века»	Крок +	Крак +	Хрольф Краки +	Хротульф + / -
Его дочь-наследница, вещая ведунья	Либуше (сестры Кази и Тета) +	Ванда +	Скульд -	
Герой, победивший чудовище	Бивой		Бодвар Бьярки	Беовульф

Затруднюсь сказать, что значит такое сходство персонажей. Вряд ли оно случайно, но даже если и нет, то о чем говорит? Отражение ли это неких реальных исторических событий –

или остатки какого-то общего эпоса? В любом случае они указывают на гораздо более тесное переплетение судеб славян и германцев, чем принято обыкновенно считать.

Следующим историческим персонажем, с которым связана судьба балтийского славянства, можно считать... гунна Аттилу.

Гунны, без преувеличения, самый загадочный народ, пронесшийся над Европой в том смерче, который именуют «Великим переселением народов». У нас есть два подробных описания гуннов – труд римского историка Аммиана Марцеллина (на нем, собственно, и основано нынешнее представление о гуннах вообще, об их внешности и образе жизни), и мемуары дипломата Приска Паннийского, ездившего в столицу Аттилы с византийским посольством. Так вот если вычеркнуть из обоих описаний слово «гунны», то никто не догадается по ним, что речь идет об одном и том же народе. Гунны Аммиана безобразны, подобны «двуногим зверям». Приск отмечает красоту гуннских женщин, а встретив прижившегося среди гуннов элина, не узнал в нем земляка, пока тот не заговорил. Гунны Аммиана проводят жизнь на седле и в кибитке, боясь зданий, будто гробниц, и всю жизнь проводят в кочевьях, так что никто из них не знает, где родился. Приск описывает столицу Аттилы, как настоящий деревянный город, описывает и дворец вождя. Аммиан утверждает, что гунны никогда не касаются сохи. Согласно Приску, гуннское простонародье пьет напиток из ячменя, а знать любит вино – и то, и другое без земледелия немыслимо. Гунны Аммиана одеваются в шкуры и носят их, пока те не развалятся. Гунны Приска одеваются хорошо, а знатные – даже роскошно. Интересно – особенно для нашей темы – то, что Приск величает Аттилу «повелителем отдаленных островов океана». Речь, скорее всего, идет про Балтийское море – к иному «океану» владения Аттилы не могли выйти в принципе. Но... каким образом их «повелителем» мог бы стать вождь конной орды кочевников, которые, как это живописно обрисовано у Аммиана, спустившись с седла, едва могут ходить? Никакая конница и в более поздние времена не доходила до балтийских берегов из Приднепровья или Подунавья. Тем паче невозможно было это полторы тысячелетия назад.

На занимательные мысли наталкивает и рассмотрение образа Аттилы в эпической Германской поэзии. Если Вы, читатель, смотрели немой фильм Фрица Ланга «Нибелунги» – а если не смотрели, сделайте это при первой возможности, оно того стоит! – то помните основную коллизию второй серии, посвященной мести Кримхильды за подло убитого Зигфрида. Тевтонская богиня, чтоб заполучить оружие против убийц, отдает себя полужверю. Особенно ярко это отражено в сцене, где Кримхильда (в блестящем исполнении Маргарет Шён) спускается... нет, снисходит! в главный зал хором Аттилы (не менее блестяще сыгранного Рудольфом Кляйне-Рогге). И полужверь отлично понимает, что к нему снисходят, он благоговееет, он счастлив, он готов порвать в клочья всякого, исполнить любое повеление – лишь бы ледяная статуя на ступенях приняла его руку и сделала шаг...

Великолепно выдуманно, бесподобно снято, божественно сыграно... вот только никакого отношения к реальному образу Аттилы в «Песни о Нибелунгах», да и в более ранних легендах германцев и скандинавов, не имеет. В поэмах англосаксов, когда прославляют могущественных и славных правителей прошлого, именно Аттилу-«Этлу» называют в самом начале, вторым после Александра, но – перед «Эрманриком», Германрихом, легендарным готским королем. Кстати, и в других англосаксонских поэмах гунны идут в перечислении народов на первом месте. В скандинавской «Старшей Эдде» мать вдовы Сигурда – скандинавского аналога Зигфрида – говорит про Аттилу: «Великого конунга я тебе выбрала, *первым из всех он признан повсюду*».

Да и «Песнь о Нибелунгах» высказывается про Аттилу-«Этцеля» в тех же похвальных тонах:

Как ни суди об Этцеле, *завидный он жених.*
От Роны вплоть до Рейна *он всех людей славней.*

От Эльбы и до моря *нет короля сильней.*
Себя прославил Этцель так, что из всех краёв
К его двору стекалось немало удальцов.
Был с каждым он приветлив, учтив и щедр без меры,
Будь то боец языческой иль христианской веры.

Как видим, настоящие германцы и скандинавы нимало не испытывали к гуннам презрения или отвращения, скорее наоборот. И не зря многие из прославленных героев германских легенд служили Атилe – Теодорих (Дитрих, Тидрек) Бернский⁶, Хильдебранд, Вальдер и другие. И даже само имя Атилы, в его скандинавской огласовке «Атли» носили впоследствии многие ярлы и конунги скандинавов даже полтысячи лет спустя после его смерти. Мужское имя Гуннар и женское Гунн считались на севере аристократическими. Впрочем, если верить Иордану, в его времена использование готами гуннских имен носило массовый характер.

Поневоле возникает вопрос – а могли ли так относиться гордые германцы к чумазому раскосому дикарю из кибитки? Могло ли сложиться такое отношение к пришельцам-завоевателям с совершенно чужими и чуждыми обычаями, внешностью, образом жизни?

Интересно, что уkraine, племя, входившее в велетский союз, считали своих князей потомками Атилы. Беда – Бе`да, а не Беда´ – Достопочтенный, священник-англосакс, в VII веке помещал гуннов между данами и саксами. На землях велетов и ободритов, ставших германскими, древние курганы называли «могилой гунна». Да и тот же Приск... Рассказывая о жизни подданных Атилы, он говорит, что они называли свой любимый напиток «мед», а Иордан, описывая погребение гуннского вождя, говорит, что погребальный пир гунны на своем языке именовали «стравой». Два слова дошло до нас из языка европейских гуннов, и оба они оказались славянскими. Будь они, скажем, финскими, или кельтскими, или иранскими, или германскими – никаких споров о происхождении гуннов не возникало бы более.

Но ведь славяне – это же «ненаучно»...

Не буду, впрочем, говорить, что все ясно. С одной стороны, что-то должны значить римские описания гуннов как не слезающих с седла кочевников со страхолюдными физиономиями? Там отнюдь не один Марцеллин отметился. Традиция распространять имя гуннов на степные народы вроде авар или болгар тоже что-то да значит. Кстати, ей и русичи не брезговали – недаром половцы в «Слове о полку Игореве» и татары в «Задонщине» названы гуннами-«хиновой». С другой стороны, есть сведения о гуннах как фризском племени. Тот же Беда считает их... германцами. В общем, как я и говорил, вопрос с гуннами крайне запутанный, и, по всей видимости, однозначного ответа не имеет. В любом случае, в истории европейских гуннов, гуннов Атилы, балтийские славяне приняли участие, и участие заметное. Недаром та же «Старшая Эдда» среди послов, присланных Атилой за невестой, называет некоего Ярослав⁷.

А сейчас пришла пора уделить несколько слов народу, который имеет немалое значение для нашей темы. Благодаря именно ему мы говорим не только о «балтийских славянах», но и о варяжской Руси!

Где-то во II–III веках от н.х.л. Римская империя, уже начавшая утрачивать тот воинский дух, что сделал римлян повелителями половины известного им мира, пригласила на свои земли у Дунайской границы варварское племя. В обмен на землю варвары должны защищать империю от других варваров. В общем, чтобы не отдавать землю империи варварам, ее отдавали варварам. Такие, «прирученные» варвары назывались федераты.

Племя, о котором мы говорим, называлось руги.

⁶ Здесь, однако, некоторая путаница – Атиле на самом деле служил не Бернский, то есть Веронский, Теодорих, а его отец, которого звали Теодомиром – впрочем, для эпоса путаница минимальна.

⁷ Любителям похихикать над «Богданом Гатылой» украинского писателя Билыка хочу напомнить – первыми славянизировать Атилу начали русские авторы. Исследователи Венелин и Иловайский, писатели Вельтман и Кондратьев, ...

В I веке его упоминает Тацит на юге Балтики, и на острове Рюген. Гот Иордан отзывается о них как о превосходящих германцев (!!) духом и телом. В начале IV века в Веронском документе они фигурируют как федераты империи, расселенные на землях дунайской провинции Норик. В следующем веке они воюют с готами, союзничают с гуннами. Кстати, один из вождей гуннов, дядя Аттилы, носит имя Ругилы или Руги. В VI веке государство ругов погибло, но руги – точнее, «ругины» – в VII веке упоминаются тем же Бедой Достопочтенным. С этого момента, кстати, даже строгие радетели недопущения в историю «ненаучных славян» согласны говорить о славянстве ругинов – из-за славянского окончания «ин» (сравните «русин», «славянин» и пр.). В средневековых латиноязычных германских источниках ругами всегда именуют русов. Широко известно упоминание княгини Ольги, Елены в крещении, как «Елены, королевы ругов» в «Хронике продолжателя Регинаона». В Раффельштетенском торговом уставе (904 год) упоминаются «славяне из ругов», приезжающие в этот верхненемецкий город с торговлей. Назаренко колеблется, не торопясь причислять отождествление русов и ругов к «книжной» этнонимии, основанной на простом созвучии. «Практически все случаи его употребления так или иначе связаны с автопсией (то есть сообщениями очевидцев. – Л. П.), что существенно подрывает предположение о книжном характере термина применительно к Руси», – замечает он. А.Г. Кузьмин, исследовавший огромное количество таких сообщений и особое внимание уделявший сообщениям источников о русах в Средней Европе, выразался еще категоричнее: «Тождество ругов и русов не гипотеза и даже не вывод. Это лежащий на поверхности факт, прямое чтение источников, несогласие с которыми надо серьезно мотивировать».

Тождество ругов с русами позволяет ответить на один из важнейших вопросов нашей истории – кто же такие варяги-русь, создавшие нашу страну и давшие начало роду Рюриковичей, семь столетий правившему ею. Дело в том, что варяги, или, как они называются в сагах, веринги, многими исследователями считаются калькой, переводом с римского «федераты». Норманнисты, считающие, что варяги – это название скандинавов, породили чудесную схему: норманны через славянские земли ехали на службу в Царьград, там получали название «верингов» и потом, возвращаясь на родину, назывались таким именем, под коим их и запомнили славяне.

В Царьград они, очевидно, ехали молча. Может, вообще, тайком и украдкой.

Ко всему прочему, скандинавы в Византии федератами не назывались и называться не могли – слишком далеко жили от ее границ. Наемниками они там были, наемниками из дворцовой гвардии, и только. Причем «Сага о людях из лососьей долины» совершенно ясно сообщает, что ее герой Болле, сын Болле, прибыв в Константинополь и присоединившись к дружине «верингов», был *первым из норманнов*, которые служили императору Восточного Рима. Чтоб обойти это крайне неудобное для них свидетельство, норманнисты идут, к сожалению, на прямой подлог под видом перевода. Вместо «норманнов» пишут «норвежцев и исландцев», хотя такого значения слово «норманн» никогда не имело. Норманн может означать норвежца – и до сих пор остается самоназванием этой нации – или скандинава вообще, или, наконец, представителя любого племени на берегах Балтийского моря. Так термином пользовались за пределами Скандинавии – франки и их южные и западные соседи. В их хрониках «норманнами» становятся северные саксы-нордальбинги, и балтийские славяне.

Но мы отвлеклись, вернемся к ругам – точнее, все же к русам, ибо, как справедливо отмечает В.И. Меркулов, не было народа, называвшего себя ругами. Только пройдя двойное искажение у римского автора, услышавшего его от германцев, или у германца, пишущего на латыни, имя приобретало такое звучание. Так вот, они, в отличие от скандинавов, как раз и были федератами-верингами, да не кого-нибудь, а великого, еще не утратившего большую часть своего блеска и славы Рима. И такое положение было настолько почетно, что его как раз могли превратить в название народа: «Смотрите, дикари из болот и чашоб, мы – не вы, мы – федераты, мы – веринги, мы служим великому Риму!»

По крайней мере, это было бы более разумно, чем странная версия, по которой скандинавы получили от славян название по статусу, полученному ими в третьей стране, путь в которую лежал через славянские земли...

Земля дунайских ругов-русов оставила по себе память в целом гнезде местных названий и личных имен от слова «рус, русский». Документы эпохи Карла Великого отмечают на том же месте «Русскую Марку». Интересно, что и ближайšie соседи и сородичи ругов – ободриты – тоже отметились на Дунае, и в тех же самых местах. И в русских летописях мелькают некие «варяги дунайские».

Самым знаменитым ругом-русом того времени, без сомнения, должен считаться Одоакр. Личность, надо сказать, тоже весьма загадочная – не меньше, чем, скажем, гунны. Кем его только не называют в источниках! И внуком тому самому Кроку, и безродным, и сыном вождя. И готом (ну, это понятно, служил в готских отрядах, значит, гот), и «герулом с острова Рюген», и скиром. Скиры эти сами по себе странный народ. Жили где-то рядом с венедами, в государстве Аттилы играли немалую роль. Римские источники называют их – ну естественно! – германцами, а историки послушно это повторяют. Я же не буду в третий раз повторять, что значит «германцы» в устах римских историков, и сколько веса это определение имеет. Вождь скиров Едик был приближенным Аттилы и возглавлял посольство гуннского повелителя в Константинополь. Вместе с ним в посольстве ехал римлянин на гуннской службе – да, бывали и такие типажи – по имени Орест. После смерти Аттилы и распада его скороспелой державы вождь остроготов Теодомир разгромил скиров и убил Едик. После этого поражения скиры так и не оправались. Более они не появлялись на исторической арене.

Иордан же именует Одоакра ругом. Может, скиры и были одним из ругских племен?

Одоакр из родных мест пришел в провинцию Норик – точнее, уже в королевство ругов. Там он повстречался с отшельником Северином – его житие до сих пор служит одним из основных источников о королевстве ругов. Отшельник пользовался большой популярностью в провинции и имел влияния даже на короля ругов, которому уже давно принадлежала реальная власть в Норике. Более того, уважение к Северину испытывал и сосед ругов, заклятый язычник, король алеманов Гильбульд. Впрочем, Северин и не пользовался известностью в интересах своей веры – не сказано, чтоб он пытался обратиться к королю, часто внимавшего его советам, или королевского вельможу, чьего сына исцелил. Не очень понятно поэтому, за какие заслуги Северина величают «апостолом ругов». Среди примеров прозорливости святого житие приводит и историю о его встрече с молодым еще Одоакром. Юный великан явился к старцу, славному предсказаниями, чтобы узнать о своей судьбе. Одетый в сшитую из шкур одежду, он едва не выворотил низкий потолок кельи отшельника головой. Отшельник предсказал ему, что, отправившись в Италию, он прославится и станет великим властелином. Предсказание сбылось. Когда Одоакр со своими людьми прибыл в Италию, Римом, точнее Равенной, куда из разоренной готами и вандалами столицы переместилось правительство умирающей империи, правил от имени провозглашенного императором сына патриций Орест – тот самый, что некогда служил Аттиле и ходил послом в Константинополь вместе с скиром Едик. В скором времени Одоакр стал командующим войсками Ореста – а потом возглавил мятеж недовольных правителем воинов. Орест погиб, его малолетний сын, Ромул Августул, вскоре отрекся от престола. Одоакр не стал облачать в императорские регалии очередную марионетку, не стал надевать их и сам. Он фактически «закрыв» западную Римскую империю, отправив регалии в Константинополь, императору Зенону. Православный владыка отблагодарил варвара за щедрый дар, натравив на него вождя остроготов, воспитывавшегося в Константинополе Теодориха, сына разгромившего скиров Теодомира. Война длилась долго, пока Одоакра не убили предательски на пиру в честь «примирения».

Самое интересное – об Одоакре, судя по всему, помнили на Руси. Спустя семь веков после его гибели новгородский летописец, рассказывая о взятии Царьграда крестоносцами,

особо отметил, что их вождь был из «Берна» (Вероны), особо отметил – «идеже бысть злый поганый Дидрех», то есть Дитрих, как звали Теодриха в немецких песнях и преданиях. Иной причины настолько ненавидеть давно умершего вождя остроготов, кроме убийства соплеменника-Одоакра, у новгородского летописца не было. Интересна мимолетность упоминания – видимо, «злый поганый Дидрех» и его злодеяние хорошо были известны возможным читателям – землякам – современникам летописца.

О «князе Одоначере», взявшем Рим во главе русов «из Ругии, с Балтийского или Немецкого Поморья», напомнил своим воинам-запорожцам Богдан Хмельницкий в одном из универсалов. Позднее, в надгробной речи, с «древним руським Одоначером» сравнит гетмана Богдана его писарь Самийло Зирка.

Вот именно поэтому – а отнюдь не только потому, что мне так хотелось или так интереснее, – я и предпочел версию Иордана об Одоакре-руге.

Помнили Теодориха и в варяжской Руси, через которую память об Одоакре и его гибели могла прийти на земли Руси Новгородской и Киевской. Народная легенда поставила его во главе полуночной Дикой Охоты проклятых душ. На это обратил внимание еще славянофил Хомяков в своей книге «Семирамида».

Германцы также помнили о вражде Теодориха с русами. Сохранилась «Тидрек-сага», рассказывающая о войнах, которые вели, с одной стороны, конунги готов и гуннов, а с другой – вожди русов и «вильтинов» – то есть вильцев, велетов⁸. По этой последней детали мы можем определить, когда сложилось это предание. Дело в том, что в X веке велеты стали называться лютичами. Прежнее название очень быстро вытеснило старое. Еще Фортинский в 1872 году обратил внимание, что германский хронист начала XI столетия Титмар Мерзебургский употребляет слово «велеты» только в цитатах из более ранних летописцев, когда же рассказывает сам, то говорит только о «лютичах». Во французской «Песни о Роланде», скажем, хотя и идет речь о временах Карла Великого (действительно воевавшего с велетами, о чем мы будем говорить позднее), но говорится именно о «лютиче (leutiz) Дапаморе». Из этого можно заключить, что песня складывалась позже времен Карла. В саге же, наоборот, говорится только о «вильтинах» и нигде – о лютичах. Значит, она была сложена никак не раньше начала XI века.

И вот что любопытно – если с гуннской и готской стороны выступают, соответственно, Аттила (что любопытно, в саге его владения скорее где-то во Фрисландии) и Тидрек (Теодорих) Бернский, то со стороны русов выступают кроме Озантрикса (в котором иногда видят Одоакра) конунг Вальдамар и его главный воин Илиас (Илья) Русский. Традиционно считается, что они попали туда из русских былин, связанных-де с Владимиром Крестителем. Но если, как мы видели, сага не могла сложиться позже начала XI века, то о каком влиянии былин про Крестителя можно говорить? Креститель на момент сложения саги был или живым современником, или недавним покойником. Вывести его в саге как современника Аттилы решительно невозможно. И получается, что речь о каком-то совсем ином Владимире – а то и об иной Руси. Тем паче, что ЭТА Русь граничит с вильтинами-велетами – и одновременно с итальянскими владениями Тидрека-Теодориха. Да не дунайское ли королевство русов-ругов перед нами? На эту мысль наводит и зачин саги: «Сага эта начинается в Апулии и идет к северу по Лангобардии и Венеции в Швабию, Венгрию, *Руссию*, Виндланд, Данию...» Как видим, «Руссия» саги лежит между Венгрией и Виндландом – землями полабских славян. Но ведь и в наших былинах, на что нечасто обращают внимание, Киев, в котором княжит Владимир Красно Солнышко, стоит на Дунае, а не на Днепре. Впрочем, былинам я посвятил особую книгу, выдержавшую уже два издания.

⁸ Еще упоминаются «пулины» – поляне, поляки, но они, в отличие от русов и вильтинов, активными действующими лицами не являются, говорится только, что они – соседи и близкая родня и тем, и другим.

Но, пожалуй, не менее познавательны для нашей темы те строки саги, которые связаны не с противостоянием Владимира Красна Солнышка и Ильи Аттилы и Теодориху, а с народом вильтинов или вилькинов. В начале саги рассказано, как конунг Вильтин (или Вилькин), эпоним⁹ – прародитель велетов-вильцев, – покоривший Свитьод (Швецию, точнее, собственно землю свеев) и Гуталанд (остров Готланд), «все царство Шведского конунга» (напоминаю, сага – *шведская!*), Сканию (Сконе, область на юге современной Швеции), Скаланд (вряд ли имеется в виду одноименный поселок на севере современной Норвегии, но что именно – сказать не решусь), Ютланд (Ютландия, Дания), Винланд (в данном случае, конечно, это не «виноградная страна», открытая по ту сторону Атлантики Лейвом Счастливым, а страна винов, полабских славян). Картина, что и говорить, совершенно поразительная – чужаку, не скандинаву и даже не германцу приписаны совершенно поразительные завоевания в Скандинавских землях. Даже если сделать поправку на то, что речь скорее о набегах, чем о завоевании в нынешнем смысле – все равно поразительно. Хотя археологически присутствие славян зафиксировано практически во всех перечисленных землях – от значительной доли керамики на поселениях до крепостей специфически славянской постройки включительно – правда, все они относятся ко временам более поздним, чем времена Аттилы и даже Теодориха.

Кстати, и у славян есть предания об успешной войне с населением «Даномалхийских» (т. е. Данемаркских, датских) островов. Сохранил их польский хронист Кадлубек, естественно, приписав победу своим соплеменникам, которые с данами никогда не граничили, и по одной этой причине войн с ними вести не могли. Со смутными воспоминаниями о давней победе сплелась забавная легенда – якобы длинные, «женские» волосы датчан принудили в знак поражения носить победители-славяне. Здесь отразились отношения вендов, волосы и бороды традиционно остригавших коротко или вообще бривших, к прическам скандинавов – у которых, наоборот, длинные волосы были знаком высокого рода, а стриженная, а тем более бритая голова – клеймом нищего, если не раба.

Вернемся, однако, пока к подвигам велетов. Уж не знаю, как обстояло дело с покорением Швеции или Готланда, но в Нидерландах, скажем, их присутствие сказывалось вполне ощутимо. Все тот же Беда Достопочтенный сообщает, что около 700 года франкский мажордом Пипин – фактический правитель страны и предок Карла Великого – отдал в качестве центра епархии Виллиброрду город в земле фризов, только что огнем и мечом покоренной распятому богу и франкскому королю. Город этот назывался Вильтабург, то есть, как отмечает Достопочтенный Беда, город вильтов. На языке же галлов, продолжает англосаксонский клирик, тот город именовался Трайектум. Сейчас он более известен, как Утрехт.

То есть уже в VII веке велеты-вильты обосновались на землях будущей Голландии столь крепко, что даже имели свои города между фризскими.

Гораздо полней и сочнее расписывает подробности пребывания велетов в своей земле более поздний «Утрехтский летописец». Оказывается, сообщает он, велеты с саксами и фризами составляли некий род надплеменного союза, жили в мире, выбирали общих вождей, а Вильтбург – Вильтенбург в «Утрехтском летописце» – был их общей столицей. Рукопись «Утрехтского летописца» относится к XV веку – но в это время велеты уже давно отошли в историю, а само имя в такой форме, как я уже говорил, не употреблялось полтысячи лет. Так что вряд ли его «славянские» сведения – вымысел позднего сочинителя. Он так же говорит о том, что Флердинген когда-то, до франкского завоевания, звался Славенбургом. О присутствии славян на землях Голландии говорят, как и в Мекленбурге, топонимы. Их здесь заметно

⁹ Эпонимом называется герой, который дает свое имя народу, городу, касте и пр. Известные эпонимы – Сим, Ханаан, Иуда, Израиль из библейских мифов, Данай и Эллин из греческих, Ирмин и Саксот из германских, Словен, Чех, Лех, Рус – из славянских легенд.

меньше, но они все же есть – Свято, Камен, Воденице и пр. Возможно, и популярные голландские фамилии ванн дер Вильт и ванн дер Вельт – память о тех временах.

Союз велетов с саксами, по всей видимости, начался раньше, чем с фризами. По крайней мере, «Утрехтский летописец» говорит о славянах в дружинах Хенгеста и Хорсы, англо-саксонских завоевателей Британии. Гильфердинг полагал, что свидетельством проникновения славян-велетов в Британию являются графство Уилтшир (Вильтшир) и город Уилтон (Вильтон). Оба расположены на юго-западе Англии, названия известны как минимум с VIII века. Интересно, что именно в этих местах протекала бурная жизнь короля Артура и его сподвижников – само собою, они должны были сражаться с завоевателями-саксами и их союзниками велетами. Интересно было бы узнать, кто из антигероев артуровского цикла легенд имеет славянские корни, но ныне этого уже не узнать. Впрочем, если уж искать – так не иначе как среди великанов. И франкские песни, и сага изображают велетов великанами; собственно, «велет» или «волот» по-славянски и значит «великан».

Славянофил А.С. Хомяков и советский ученый В.В. Мавродин с интервалом почти в сто лет писали о каких-то славянских погребениях в Англии, но что за погребения и почему славянские – этого мне выяснить не удалось. У саксов также почитался вполне славянский *Zernebock* – то есть Чернобог. Об этом пишет не только писатель Вальтер Скотт (безумную саксонку Ульрику, призывающую темного Бога предков на головы поработителей, вряд ли забудет кто из прочитавших роман «Айвенго»), но и вполне себе историк Шарон Тернер.

Прокопий Кесарийский рассказывает о походах в Британию варнов. Вообще, именно это племя, по его рассказу, господствовало в те времена «от реки Истра и до северного Окееана (разумеется, и тут, как и в случае с Аттилой, подразумевается Балтика, она же Венедский залив)». Прокопий отмечает очень неординарный обычай, господствовавший у варнов, а именно – наследник правителя, чтоб унаследовать трон, обязан был жениться на мачехе. У германцев подобного обычая не было, и дочь вождя англов, когда ее жених Радигис (уж не о молодости ли Радагайса-Радегаста идет речь?) женился на мачехе, почувствовала себя оскорбленной, что послужило причиной войны между англами и варнами. Кстати, впоследствии Гельмольд упомянет о былом величии вагров, которые подчинили себе и ободритов, и землю велетского племени хижан или кичан и заходили дальше – нет ли тут путаницы, не смешал ли он с ваграми по созвучию варнов, благо оба племени впоследствии вошли в племенной союз ободритов-рериков? Во всяком случае, есть свидетельства могущества и влияния варнов; о величии вагров никакой источник, кроме Гельмольда, не упоминает.

Есть еще одно саксонско-славянское божество. Конрад Бото в своей «Саксонской хронике» рассказывает о славянском Боге, почитавшемся, однако же, в саксонском Гоцларе. Бога звали Кродо, в одной руке его кумир держал рог с плодами, в другой – колесо о шести спицах, под ногами его изображали рыбу. Что это за Бог, теперь сказать трудно. Сопоставляли его и с русским Родом, и с хорутанским Къртом, и со словом «крада» – погребальный костер. Сейчас древний Бог – частичка местного бренда, туристы, посещающие Гоцлар, фотографируются с ряженными, изображающими Кродо или около скульптуры, воспроизводящей его идол. Интереснее, однако, другое. А именно – алтарь славянского Бога, который франки торжественно, как трофей, внесли в церковь, где он и пролежал тихо-мирно до XIX века, когда его сдали в музей. В музее он пребывает и ныне. Боги одни знают, почему его датируют первой половиной XII века, хотя Саксонские земли оказались под христианами-франками еще при Карле Великом, и как-то очень сомнительно, чтобы триста лет спустя кто-то в одном из центров Священной Римской Империи германской нации стал бы делать алтарь языческому Богу – да еще славянскому.

Сам это алтарь поражает. Мы привыкли при мысли о языческом культе славян представлять грубо обтесанные камни или бревна, верхом языческого искусства считать Збручского идола – может быть, полного глубокого космогонического смысла, но вряд ли спо-

собного «показаться живым» – как, по сообщениям немецких проповедников, видевших святых Рюгена-Руяна, Вольна, Щецына, Радигоща, казались изображения, покрывавшие храмы варяжской Руси. Здесь же мы видим тончайшую работу, мы различаем складки на одежде и пряди в причёске поддерживающих алтарь фигур – судя по бородам, длинным волосам и долгополым одеяниям, изображены языческие жрецы. То, что мы видим в музеях – это в основном идола, сохранившиеся на окраинах, там, где заведомо не было хороших мастеров. Хотелось бы, чтобы, говоря о славянском языческом искусстве, представляли не их, а ну хотя бы тот же алтарь Кродо. Ведь, говоря об искусстве православном, имеют в виду отнюдь не отлитые деревенским мастером распятия с тощими головастыми фигурками, нет – подразумевают Дионисия или Рублева. Не будет ли справедливо и о языческом искусстве судить по высшим проявлениям, а не по низшим?

Впрочем, вернемся к саге о Тидреке и к вильтинам.

Конунг Вильтин, был, согласно этой саге, не только могучим завоевателем, но еще и дедом Велунда. Кто-то знает этого персонажа, как Виланда из рассказов Киплинга, кто-то – по повести Семеновой «Хромой кузнец» (в котором мрачная, кровавая и мстительная натура эпического кузнеца, по обыкновению, нещадно сентиментализирована¹⁰), мельком упоминался он в старом сериале «Робин из Шервуда», как создатель семи волшебных мечей. Волшебный кузнец-богатырь, он стал почитаться как покровитель кузнечного дела вообще, кузнец богов и бог кузнецов. Впоследствии, очевидно, по *большой любви* германских ковачей к новой вере, христиане сделали имя их покровителя одним из наименований дьявола – как Воланд. Это имя мелькает у Гете и получает всемирную славу в романе Булгакова – но в том Воланде уже ничего нет от предшественника, кроме имени, германского происхождения – «пожалуй, немец» – да хромоты.

Короче, Велунд был крут до невероятия, и то, что скандинавское предание делает его внуком прародителя велетов – это довольно-таки внушительное свидетельство уважения к последним. А может быть – и высокая оценка их мастерства в ремеслах¹¹.

Не знаю, насколько связано это с тем фактом, что в VI–VIII веках на берегах Балтийского и Северного морей расцветает очень яркая и самобытная культура, оставшаяся в истории как вендельская. Ее центром была область Вендель в Швеции. Название достаточно красноречиво – достойный двойник голландскому Вильтбургу и английскому Вильтширу. Исследователи рассуждают о кельтском, сарматском влиянии, о каком-то «импульсе с юга»... в общем, прикладывают все мыслимые и немыслимые усилия, чтобы ни в коем случае не произнести ужасного, гадкого, ненаучного слова на букву «с». Нет, не того. И не того тоже. Хуже. С... сл... слав... славя... ну, Вы поняли.

А придется.

Кельты в центральной Европе на момент появления вендельского искусства уже отсутствовали. Зато прямыми преемниками кельтов в искусстве и культуре были балтийские славяне.

Сарматы никакого выхода не то что к Скандинавии, но и к Балтийскому морю не имели. Только через венедские земли – а даже те, кому очень, ну прямо-таки страстно хочется, отрицать славянства венедов в VI–VIII веках не могут.

Наконец, с юга – это ведь опять никак не миновать славянских земель, лежащих строго на юг от Швеции.

Просто ай-яй-яй.

¹⁰ Пожалуй, только Мария Васильевна могла сделать из угрюмого типа, однажды развалившего надвое соперника-кузнеца, только чтоб показать, на что способен выкованный им клинок, тонко чувствующую натуру, противника войн и едва ли не пацифиста.

¹¹ Интересно, что хорошими кузнецами-оружейниками считались соседи и сородичи велетов варны. Тот самый правитель готов Теодорих брал с варнов дань мечами – словно хазары с полян в летописном предании.

Да, и еще. В вендельском искусстве очень распространен мотив воина с хищной птицей на шлеме. Есть еще с кабанами, но они как раз неплохо в Скандинавии известны, и в «Беовульфе» говорится про «вепрей на вражьем шлеме», и археологически таких немало найдено. А вот птиц на шлемах нет – ни в скандинавских легендах, ни среди находок археологов. Так вот, у кумира Сварожича в Ретре-Радогоще, святилище велетов (его Вы, читатель, могли видеть хотя бы на картине Константина Васильева, почему-то называющейся «Свентовит», но изображающей именно Сварожича) на шлеме как раз хищная птица.

Есть и еще один след общения скандинавов со славянами в довольно раннее время.

Среди перечня представителей шведско-норвежского королевского рода Инглингов встречается достаточно любопытное имя, а именно – Висбур.

Комментаторы этого отрезка (А.Я. Гуревич, А.А. Хлевов) никак не комментируют это имя, сосредотачиваясь на судьбе носившего его конунга. Между тем само это имя несет некоторую историческую информацию.

Дело в том, что для скандинавского именованного имя Висбур совершенно чужеродно. У норманнов эпохи викингов оно более не встречается, ни целиком, ни его составляющие.

Если мы обратимся к собственно тексту саги об Инглингах, то узнаем, что мать Висбура была иноземка, финнка Дрива, дочь Сньяра Старого, конунга финнов. Однако вся эта история не может восприниматься на веру. Дело в том, что имена «финнов» в рассказе о Висбуре – мать Висбура, ее отец, их придворная колдунья Хульд – не финнские, а скандинавские, и не имена, а значащие прозвища – Дрива – Метель, Сньяр – снег, Хульд – холод. Таким образом, Висбур оказывается чуть ли не сыном Снегурочки и внуком Деда Мороза.

Кажется ясным, что вся эта история сочинена если не записавшим сагу Снорри Стурлусоном, то пересказчиками саги до него. («Автор несомненно принимал «Перечень Инглингов» за вполне правдивый источник. Тем не менее он, по-видимому, считал себя вправе развивать сведения, сообщаемые Тьодольвом о том или ином событии, в обстоятельный рассказ о том, что, по мнению рассказчика, должно было привести к данному событию, психологически его обосновывая и принимая правдоподобие придуманного им за фактическую правду», – пишет про Снорри Стурлусона ученый-комментатор.) Достоверно в ней только иноземное происхождение Висбура.

Долго искать края, откуда, собственно, на деле была мать Висбура, не приходится. Если имя Висбур за исключением этого случая, в скандинавских источниках действительно не встречается, то составляющие все же мелькают: первая часть в имени *Виссавальд*, вторая в именах *Бурислейф*, *Реттибур*, *Унибур*. Все эти имена, хоть и встречаются в норвежских и исландских сагах, не скандинавские. Носитель первого – претендент на руку норвежской королевы «из Гардарики», т. е. из Руси, обычно в этом имени видят обработку славянского Всеволод. Второй, Бурислейф – Борислав, Борис – так же уроженец Гардарики, брат и соперник Ярислейфа-Ярослава Мудрого из саги об Эймунде. Реттибур – «конунг вендов», Унибур – его полководец. Эти имена обычно воспроизводят, как Ратибор и Унебор.

Таким образом, допустимо предположить, что древненорвежского конунга на деле звали Всебор (имя, бытовавшее у западных славян еще в XVII веке), или же Вышебор (схожее изменение произошло при германизации славянского названия Висмара – Вышемира)¹². Ничего сверхъестественного в появлении в именованном скандинавских конунгов славянского имени нет, в конце концов, еще Иордан в VI веке отмечал, «насколько в обычае у племен перенимать по большей части имена: у римлян – македонские, у греков – римские, у сарматов – германские. Готы же по преимуществу заимствуют имена гуннские». Однако интересен сам факт

¹² Кстати, Велунд в поздних записях саги тоже «финн» – очевидно, в обоих случаях финны сменяют вильтинов-велетов и вендов, как народ, обитающий на восточном «краю земли». Во времена Висбура и Велунда скандинавы не знали о землях восточнее вендов, в эпоху викингов узнали, что за вендами есть земля финнов, и ее обитатели сменили прежних восточных соседей в сагах.

контактов скандинавов со славянами (по всей видимости, балтийскими), притом контактов, во-первых, очень ранних. Во всяком случае, в «Перечне Инглингов» скальда Тьодольва Висбур фигурирует, как *предок* Олава Альва, чье существование в эпоху Великого переселения народов засвидетельствовано археологически. Во-вторых, контакты скандинавов и балтийских славян-вендов, как представляется, были вполне равноправными, иначе именем чужеземца, наверное, не назвали бы будущего правителя страны. Для этого нужно было, чтобы имя считалось у скандинавов достойным вождя, а значит, и народ, у которого позаимствовали имя, должен считаться самое меньшее равней.

Естественно, в отличие от норманнистов, делающих глобальные выводы из *возможной* скандинавской этимологии нескольких имен русских князей, мы не станем, исходя из *очевидной* славянской этимологии имени древненорвежского конунга, говорить о славянском происхождении династии. Но сам факт наличия славянского имени в перечне правителей шведов служит дополнительным доказательством раннего и, по всей вероятности, значительного присутствия славян на Балтике.

Есть еще одно упоминание о балтийских славянах не в эпосе или легендах, а во вполне серьезных исторических документах. В конце VI – начале VII века писатель и ученый из Восточной Римской империи Феофилакт Симокатта рассказал на страницах своей «Истории» о таком странном случае:

«На другой день трое людей из племени славян, не имеющих никакого железного оружия или каких-либо военных приспособлений, были взяты в плен телохранителями императора. С ними были только кифары, и ничего другого они не несли с собой. Император (Маврикий Стратег, известный, кстати, трактатом о способах ведения войны с соседями Восточного Рима, в том числе славянами и антами. – *Л. П.*) стал их расспрашивать, какого они племени, где назначено судьбой им жить и по какой причине они находятся в ромейских пределах. Они отвечали, что по племени они славяне, что живут на краю западного Океана (и снова под океаном надо понимать Балтику. – *Л. П.*), что каган (аварский, контролировавший тогда почти всю Среднюю Европу. – *Л. П.*) отправил к ним послов с тем, чтобы собрать военную силу, и прислал почетные дары их племенным владыкам. Дары они приняли, но в союзной помощи ему отказали, настойчиво указывая на то, что их затрудняет дальность расстояния. А их отправили к кагану в качестве заложников, как бы в доказательство того, что это путешествие длится пятнадцать месяцев. Но каган, забыв все законы по отношению к послам, решил чинить им всякие затруднения при возвращении. Они слышали, говорили они, что ромейский народ и по богатству, и по человеколюбию является, так сказать, наиславнейшим; поэтому, обманув [кагана], они выбрали удобный момент и удалились во Фракию. Кифары они носят потому, что не привыкли облекать свои тела в железное оружие – их страна не знает железа, и потому мирно и без мятежей проходит у них жизнь, что они играют на лирах, ибо не обучены трубить в трубы. Тем, для кого война является вещью неведомой, естественно, говорили они, более усиленно предаваться музыкальным занятиям. Выслушав их рассказы, император пришел в восхищение от их племени, и самих этих варваров, попавших в его руки, он удостоил милостивого приема и угощения. Удивляясь величине их тел и красоте членов, он направил их в Гераклею».

История это подала повод к самым разным толкам. Одни решили, и всерьез, что славяне к тому времени еще не вышли из каменного века. Причем о таком писали не немцы-славянофобы, о таком зачастую писали сами славяне. Например, Юзеф Крашевский в своем романе «Старинное предание», по которому недавно Ежи Гофман снял фильм «Когда солнце было богом», живописал ушлого торгаша-немца, продающего наивным славянам металлические вещи, якобы созданные волшебными карликами-гномами, и старейшину Виша, берегущего на почетном месте прадедовские каменные секиры и ворчащему на новомодные железные игрушки. Другие, особенно славянофилы, нашли лишний повод порассуждать о том самом «кротком и миролюбивом» характере славян. Третьи заподозрили в речах славян хитрость раз-

ведчиков (писатель Финжгар в книге «Под солнцем Свободы», скажем). Но вряд ли славяне могли надеяться провести такой детской сказкой опытнейших интриганов из Восточного Рима. Наконец, выдвигалась версия, что славяне ничего такого не говорили, а Феофилакт попросту воспроизвел утопический образ «благородных дикарей», живущих в счастливом золотом веке. Ну, с эдаким подходом можно вообще разобрать на «цитаты» и «мотивы» всю историю, не оставив от нее живого места. Кому-то это, может, и понравится – но не мне, читатель. Думаю, и не Вам, раз уж Вы взяли в руки эту книгу.

Правильный подход тут указал, как мне думается, Гильфердинг. На сей раз Александр Федорович не стал мудрствовать о доброте и кротости славян (мы с Вами, читатель, уже не раз полюбовались на эту «кротость»), а предположил, что послы, о которых писал Феофилакт, были «кудесниками», жрецами. И Феофилакт, стало быть, принял обычаи касты за обычаи народа (между прочим, не исключительное явление – средневековые авторы, в том числе русские, считали отдельным народом, «рахманами», индийских брахманов). В самом деле, у целого ряда европейских народов существовал обычай, запрещавший жрецам касаться железа. А игра на гусях издревле была неотъемлемой частью языческого ритуала, за что и пользовалась острой неприязнью христианских священнослужителей. Столь же обычно использование жрецов в качестве дипломатов – такую роль играли, скажем, друиды у кельтов, а как мы помним, кельты оказали немалое влияние на религию варяжской Руси. На крещеной Руси послами бывали христианские священники.

Таким образом, с самых давних времен, едва ли не сразу после появления на глазах летописцев, жители варяжской Руси знали и воинские дружины, и жречество.

Какое из племенных княжеств варяжского Поморья отправило в путь кудесников-послов? Однозначно сказать, конечно, нельзя – но есть свидетельство, способное послужить намеком. У сирийского автора Псевдозахарии Ритора, писавшего в те же годы, что и Симокатта, или чуть позже, рассказано о народе, живущем далеко по ту сторону алано-тюркской степи. Этот народ великанского роста (помните – «удивляясь *величине их тел*») и у него «нет оружия» («не привыкли облекать свои тела в железное оружие»). Называется этот народ «рус». И поскольку речь идет о жизни «на краю западного Океана», придется предположить, что Рюген, остров русов, уже тогда был видным жреческим центром.

А теперь начну с рассказа о событии, которое завершило легендарный период истории славянской Атлантиды, послужив началом ее, увы, недолгого расцвета. Я говорю о так называемой битве при Бравалле.

Датируют ее по-разному – от V до VIII веков от н.х.л., деляя ее героев то современниками Сигурда Фафнисбани, «Убийцы Фафнира», Зигфрида «Песни о Нибелунгах», и Гьюкунгов, убитых Атли-Аттилой, то старшими современниками Рагнара Лодброка, великого вождя викингов. Я предпочитаю быть ближе к золотой середине – конец VII – начало VIII века.

Вели ее конунг Харальд Боезуб¹³ (в старых книгах прозвище не переводят и оставляют его Гильдетандом) и его племянник Сигурд Кольцо, правитель шведов.

Именно при Харальде датские племена перешли, тесня ютов, англоv и саксов, с островов на материк. Но перед этим произошло еще много интересного в его судьбе, причем вся его жизнь так или иначе переплеталась с варяжской Русью и славянами.

Его отца, Хрерика Метательное Кольцо из рода Скъольдунгов, убил конунг Сконе – края на юге нынешней Швеции, тогда не подчинявшегося правителям шведов, Ивар Широкие Объятья. Объяття и впрямь были широкими... и крепкими – Ивар захватил Упсалу, убив Ингьяльда Коварного из рода Инглингов, грабил в Англии и на Восточном торговом пути. Не минули смертельные объявления и отца Харальда – даром, что Хрерик приходился Ивару зятем. Собствен-

¹³ По одной версии, конунга звали так оттого, что у него были сильно выступающие зубы, по другой – зуб или клык битвы – просто иносказательное название, кеннинг героя.

ная дочь, Ауда, с маленьким Харальдом бежали от Ивара сперва на Готланд, а потом... вот это «потом» и интересно. Саги, что вдова с малышом укрылась от отца в Гардах, даже в Хольмгарде, как позднее будут скандинавы называть Новгород. Но не произошло ли и здесь невольной подмены, как с Велундом и Висбуром? Не разумела ли сага балтийских русов с острова – «Хольма» – Рюгена? Новгорода же в те времена не было совершенно определено. Во всяком случае, следующий муж овдовевшей королевы был «гардским», русским князем, с явно нескандинавским именем «Радбард». С.В. Алексеев считает, что так переименовали норманнские сказители славянское имя Ратбор. Некоторые исследователи приписывают именно ему основание Ладоги. Ауда родила Ратбору сына – «Рандвера», Ратьмера.

В это время об укрытии непокорной дочери узнал Ивар. Видимо, опасаясь, что маленький изгнанник найдет сторонников среди датской знати, Ивар двинул на восток огромный флот, собранный со всех подвластных земель. Свеи, сконы, юты, даны шли под его знаменами. Но... по одним источникам, поднялась буря, и собранный Иваром Широкие Объятия флот потонул вместе с конунгом. По другой версии, битва все же произошла, и Ивар был разбит русами. С благословения Ратбора Харальд отправился на запад, во владения отца и деда. Его признали (это наводит меня на мысль, что отчим сопроводил пасынка не только добрыми напутствиями, но и сильной дружиной) сперва на Готланде и на островах Сьяланда, потом в Сконе, вотчине вероломного деда, потом и в землях отца.

Он также был признан соседями-ободритами – по сообщению Саксона Грамматика, на службу ему пришли два славянских князя, Дал и Дук¹⁴. Вообще, отношения с народами варяжской Руси у датчан выходили неоднозначные. Был в Дании легендарный герой Старкад. В роду у него были горные великаны, и на свет он родился чудовищем – с шестью руками и клыками, торчащим изо рта. Ненавидевший великанов Бог грозы Тор «облагородил» его облик, вышибив клыки и оторвав лишние пары рук. Рассказывать о его подвигах, приключениях и злоключениях – как у любого нормального эпического героя, судьба Старкада трагична – здесь нет места. Нам интересно иное – с одной стороны, Старкад дружил с неким Вином (Виндом, славянином, скорее всего, ободритом), но при этом, согласно Саксону Грамматику, сражался «в Польше» с врагом по имени Вильце – то есть опять вильцем, лютичем. В Польшу отнесли столкновение с ним не случайно – наша летопись тоже относит потомков велетов, лютичей, к «ляхам». Одни объясняют это тем, что лютичи одно время были под властью польской короны (но к велетам это как раз никак не относится), другие – тем, что лютичи были ближе по происхождению к полякам, чем к остальным народам варяжской Руси. Варны, руги-русы и их соседи и сородичи из ободритского союза племен, были носителями так называемой суково-дзедзицкой археологической культуры, велеты – фельдбергской, восходящей, как и материальная культура предков поляков, к археологической культуре «Прага-Корчак». В частности, люди суково-дзедзицкой культуры пользовались лепной посудой, а фельдбержцы-велеты уже использовали гончарный круг. Суково-дзедзицы жили в небольших поселках кучевой планировки, застроенной исключительно наземными строениями срубного типа. Велеты предпочитали крупные укрепленные поселения.

Харальд захватил также некую Рейдготию. В преданиях о его правлении Рейдготия описывается как некая земля по соседству с Виндландом (землями вендов), и подчеркивается зависимость вендов от Рейдготии. Историки выдвинули массу предположений, от Ютландии – которая была слишком хорошо знакома Боезубу, и в покорении которой не было ничего особо героического – и до крымских (!!!) готов, завоевать которых датскому конунгу было столь же маловероятно, как, скажем, Кордовский эмират. Никаких же иных готов в те времена к югу от

¹⁴ С.В. Алексеев видит в этом имени переогласовку имени Тут – полного или сокращенного от имен вроде Тугарин, Тугомир. Мне представляется более верной мысль С.В. Цветкова, сравнившего имя ободритского князя с именем героя русских былин Дюка.

владений Харальда Боезуба не наблюдалось. Здесь опять мне представляется наиболее вероятной трактовка Гильфердинга – Александр Фомич предполагает, что Рейдготия – это крупнейший культовый центр велетов Радигощ (в латинских хрониках Riedigost), святость которого, невзирая на постоянные раздоры с велетами, признавали и ободрили.

Шли годы, маленький сводный брат Харальда, «Рандвер»-Ратьмер вырос, и тоже не усидел в отцовском гнезде, ушел на Запад, «дорогой китов», как выражались родичи его матери. В благодарность ли за помощь отчима, по иным ли причинам Харальд стерпел то, что молодой славянин обосновался в земле свеев. Там он женился на Асе, дочери конунга одного из норвежских племен, Харальда Рыжебородого. Еще спустя несколько лет Аса родила мужу наследника, названного, как водилось на севере, в честь родича жены, Сигурдом. Со временем он стал известен, как Сигурд Кольцо.

Он успел вырасти и стать воином, когда погиб в одном из походов на землю Фризов его отец.

И Харальд захватил земли племянника, собрав в одной руке все, что сгреб некогда в свои широкие объятия свирепый и вероломный дед. Отчего Харальд на старости лет так сурово поступил с родственником? Одни предания говорят, что виною всему происки угрюмого Старкада, оказавшегося к тому времени в дружине Сигурда: мир между родичами был не в радость потомку великанов. Другие утверждают, что дело именно в старости. Харальд, ставший к тому времени стариком, страшился презренной для скандинава «соломенной смерти», искал войны, ждал смерти в битве – а на берегах окрестных морей осталось немного тех, кто рискнул бы выступить против силы, что собрал под своей рукою старый Боезуб. Сигурд, сын норвежки и славянина, оказался одним из таких немногих.

Войска встретились у Браваллы в Восточном Гаутланде. На многие века запомнили жители северных стран чудовищную сечу. «Казалось, что небо упало на землю». Тысячи кораблей, говорили сказания, собрались на бой. По ладьям Харальда Боезуба можно было, не замочив ног, перейти из Ютландии в Швецию. Паруса кораблей Сигурда и его союзников закрывали восточный горизонт. Под знамена Сигурда Кольцо встали свеи Англ, Одд, Гунн, Ринг, Свено, Виндер, и иные – видать, не плохим был правителем для свеев чужак «Рандвер»-Ратьмер, что они решительно встали за право его сына править ими! Были здесь и саксы-нордальбинги, во главе с Саксоном Занозой, Трондаром Большой Нос, Рокаром Черным. Шли норвежцы, соплеменники матери северного конунга – Торкель Упрямый, Герд Радостный и много других. Из-за моря привел русов «Регнальд»-Рогволод, сын сестры Ратбора – которого в некоторых сагах называли самым сильным бойцом Сигурда. Кроме того, как утверждает «Сага о Скъельдунгах», по крайней мере один вождь вендов счел дело Харальда Боезуба неправым – Дюк Славянин встал под знамена противников датского владыки (возможно, с ним пришли вождь со знакомым уже именем Крок и Мар). Фланги прикрывали лёгкие отряды эстов (неясно только, пруссы-айсты или эстонцы) и куршей (видимо, кому-то из них принадлежат имена Кеклу и Арвакки).

Со стороны Харальда разнообразие войска было еще большим.

Кроме данов и ютов, с его войском шли фризы во главе с Юббе, мужем сестры Харальда, слывшим колдуном, англы Орма и венды. Упоминаются некие бойцы из Кенугарда. Вообще говоря, Кенугардом впоследствии будут называть в скандинавских сагах Киев (его и в былинах иногда называют «Киянью», а жителей города киянами регулярно зовут летописи). Но киевлянам на варяжском море ни в VII веке, ни в VIII делать было вроде нечего. Киев в те времена был столицей не слишком большого племенного княжества полян, которому хватало забот с ближайшими соседями – лесными и степными. Так кто перед нами? Названные так по созвучию выходцы из польского племени куявов? Или те самые балтийские гунны Беды Достопочтенного – Адам Бременский впоследствии будет связывать название Кунигард именно с гуннами?

С восточных берегов приплыли лодки ливов и куршей (шведы и датчане потом сильно пожалеют, что показали путь к своим берегам этому племени – впрочем, это, как говорится, совсем другая сказка). С запада появились отряды британских кельтов.

Всего «Деяния данов» Саксона Грамматика насчитывают 94 знаменитых героя в войске Сигурда. В войске его дяди

Любопытно, что в числе вендов, бившихся за Харальда Боезуба, называют трех девушек-воительниц. Две из них названы Саксоном «герцогинями», что, скорее всего, должно пониматься, как «княгини». Главная из них, Висна («весна, юность»), несла знамя всей армии престарелого владыки данов. Ее окружали самые преданные бойцы – берсерки¹⁵ Толкарь, Токи (похоже на имя боярина Туки из наших летописей), Ими¹⁶. Особенно хочется отметить такого персонажа, как «Отрик по прозвищу Юноша». Совершенно ясно, что парень назвался «отроком», дружинником своей княжны – и перевел это звание, а слушатели поняли перевод, как прозвище. Так юный славянин и остался в веках.

Другую славянскую «герцогиню» звали Хете – возможно, Хоть, «желанная».

Третья славянка названа скандинавским именем Веборг, «священная гора». Сразу вспоминается богатырша Златогорка из наших былин. Впрочем, скандинавы чаще переозвучивают чужие имена на свой лад (вспомним Радбарда и Рандвера), чем переводят. Можно предположить женский вариант имени Выбор, или, скажем, Выверка – «белка»... впрочем, предполагать опять же можно бесконечно.

Славянские мечники стали основной ударной силой Харальда под Браваллой. Левое крыло вел венд Якун Резанная Щека, в правом шла Хоть, а Висна держалась неподалеку от конунга – который, кстати, сражался на колеснице – это был, наверное, последний случай военного применения колесниц, по крайней мере в Европе и по крайней мере до боевых повозок чешских гуситов.

Битва, сообразно количеству воинов, вышла страшная. Пал от руки фриза Юббе Рогволд, шедший впереди шведско-норвежско-русского войска. Веборг сразила некоего Сота, одного из лучших бойцов Сигурда Кольцо, ранила Старккада, но пала и сама, пронзенная стрелой норвежца Торкилля из Теламёрка. Вскоре и Юббе, рухнул под ливнем стрел. У знамени погибла Висна – ее убийцей называют самого Старкада. Шут побери, чтоб победить славянскую девушку, понадобился сильнейший из живших тогда воителей Севера. Видя поражение, Харальд схватил по мечу в каждую руку и убил множество воинов племянника. Наконец, обессиленный, он приказал своему слуге Бруни убить его – старый конунг страшился плена. Последнее приказание Боезуба было исполнено, Бруни разбил господину голову дубиной.

Согласно сагам, победитель Сигурд сжег тело дяди на костре, а прах развеял над его столицей, городом Лейрой в Зеландии. Саксон же утверждает, что племянник похоронил Харальда Боезуба в кургане вместе с колесницей, оружием и богатыми дарами.

Долго еще ходили легенды о золотой ладье, на которой Один возил души павших в той битве в Вальхаллу.

Огромный урон потерпели и те, и другие сражавшиеся, особенно это касалось шведов и датчан, главных противников. «Прядь о Норна-Гесте» говорит, что Сигурд Кольцо остаток жизни с трудом защищал свои земли от набегов куршей и лопарей. Юты и даны, покорившиеся ему после Браваллы и гибели Боезуба, впрочем, не бунтовали – не было сил для мятежа. Зато уязвленную гордость попытались выместить на ободритах.

Зря.

¹⁵ Поразительно, что Саксон именно воинам из числа славян приписывает обыкновение бросаться в бой, сорвав с себя рубашку. Подобное поведение, кстати, отмечает у некоторых воинов антов и славян Прокопий Кесарийский еще в VI веке.

¹⁶ Почему-то считают, что это значит «имя»; человек по имени «имя» – несколько странновато, чтобы не сказать глупо. Скорей уж можно предположить отглагольное прозвище вроде Имей – для берсерка самое то.

Ободриты в ответ перешли пролив Малый Бельт и захватили остров Фюн (это обстоятельство я рекомендую запомнить). Их вождь Ватне убил наместника Сигурда Кольцо ярла Али.

Сына Али, Хамунда, участь отца ничему не научила, он вновь попытался обложить данью восточных соседей – и с трудом отбил от вторжения семи ободритских князей. И то победою он больше был обязан не своим силам или полководческому дару, сколько тому, что стиль командования ободритских князей вызывал в памяти известную присказку про семерых нянек.

Впрочем, ему, можно сказать, повезло. Следующий правитель ютов, Сивард, получил уже не набег, а полномасштабное нашествие. Сивард бежал в Зеландию, его сын и дочери были захвачены вендским князем Исмаром (Вышемиром? Измиром?) в плен, вся Ютландия – обложена данью в пользу вендов. Дочерей Сиварда продали – одну в Норвегию, другую в Германию. Сын, которого звали Ярмерик (имя, если вдуматься, звучащее как-то подозрительно... не вендкой ли была матушка этого «принца датского?»), исхитрился убить Исмара и бежать, а впоследствии и освободил сородичей от дани вендам.

Однако не от этого ли времени остались на датской земле названия населенных пунктов с типично славянскими окончаниями – Корзелице, Крамнице, Тиллице, Биннице¹⁷ и многие иные? Кольцевые укрепления на острове Лоланд считаются славянскими, как и крепость близ Соре в центре Зеландии, где найдена очень архаичная славянская керамика. Абсолютное большинство датских кладов раннего средневековья содержит славянские вещи, или даже зарыто в славянской посуде, что само по себе говорит о многом – в конце концов, вещи могли купить и награбить в набеге, но вряд ли кто бы стал в те времена тратить на заморский горшок или счел бы его ценной добычей.

Не к этим ли временам относятся сведения Тидрек-саги о славянском «конунге», обкладывающем все побережья Балтийского моря данью? Конечно, это далеко от времен Теодориха Готского... но что поделаешь, эпос не всегда в ладах с хронологией. В той же «Пряди о Норне-Гесте» Сигурд Кольцо становится современником своего великого тезки, Сигурда Фафнир-убийцы, неуязвимого Зигфрида германских легенд.

Вполне возможно, именно в это время северный язык заимствует из славянского определение поездки за данью – *polutasvarf*, от «полюдь». При наличии собственного определения («вейцла») появление славянского термина может говорить только об одном – когда-то по скандинавским землям ездили за данью люди, говорившие по-славянски – что и подтверждают сага о Тидреке и Саксон Грамматик.

Во всяком случае, скандинавам на тот момент в Балтийском море должно было стать весьма и весьма неудобно. Не с этого ли началась эпоха их походов на Европу? Ведь и венгры, примерно веком позже, были всего лишь беженцами от вырезавших их кочевья печенегов – а от конных налетов несчастных беженцев Европу лихорадило ничуть не слабее, чем от морских походов норвежцев и датчан.

¹⁷ Д. Егоров показал, что изначально окончание «ице» звучало как «ицы», сходясь с новгородскими названиями вроде Гостилицы, Зимницы и пр.

Глава IV

В недолгом сиянии полдня: варяжская Русь в эпоху викингов

Эпоха викингов. Когда был расцвет варяжской Руси. Ободриты-рерики и их племена. Велетские племена. Серебрь. Поморяне. Винета – сказка варяжского моря. Руги, русины, русы. Хаган, князья, жрецы. Имена Богов? Нет, названия кумиров. Воины. Что такое «викинг». Ненорманнские норманны. Йомсвикинги. Дела торговые. Земля велика и обильна. Колонии за Лабой. Дальние выселки – Готланд, Неман, Двина, Ладога. Ничто не предвещало беды...

Давным-давно, может быть, тысячу лет назад, а может быть, и две тысячи, остров, на который буря занесла гусей, не был таким пустынным и диким. На берегу его стоял богатый и прекрасный город Винетта.

Во всем мире не было ткачей искуснее, чем в Винетте; никто не умел делать такие красивые кубки и кинжалы, как мастера Винетты; никто не умел плести такие тонкие кружева, как кружевницы из Винетты.

Каждый день одни корабли, нагруженные богатыми товарами, отчаливали от пристани, а другие корабли, нагруженные золотом и серебром, возвращались из далеких плаваний. Со всеми городами, какие только ни есть на свете, торговали жители Винетты. Их корабли плавали по всем морям и во всех гаванях находили приют и отдых.

Сельма Лагерлёф

Эпоха викингов началась в 793 году – так принято считать. Первой жертвой стал монастырь святого Кутберта на острове Линдисфарн. Заканчивают же ее битвой при Стамфорд-Бридже осенью 1066 года, где пал в битве с англичанами Харальд Суровый, последний вождь викингов, по совместительству поэт и зять Ярослава Мудрого.

Но почему мы говорим о расцвете варяжской Руси во время эпохи викингов? Ведь, казалось бы, о сытой и привольной жизни, о богатых торговых городах, о великолепных храмах многоликих Богов рассказывают летописцы уже более поздних времен? Титмар Мерзебургский и Адам Бременский писали в XI веке, Гельмольд и Саксон Грамматик – в XII.

Но можем ли мы всерьез говорить о расцвете славянских городов Варяжского поморья в XI–XII веках? Это – закат, а не расцвет языческой цивилизации Варяжского Поморья. Изматывающая религиозная война с лучшими бойцами христианской Европы, при непрекращающихся распрях варяжских княжеств между собою, натиск франков, саксов и датчан с запада, крещение Руси на Востоке, разрыв торговых связей южно-балтийских язычников со стремительно становящимся христианским миром вокруг – все это не могло благотворно сказаться на жизни варяжской Руси. Если в XI веке христианские проповедники видят ее процветание, значит, основы его были заложены веками ранее, в то самое время, которое принято называть эпохой викингов – отчасти, может быть, и раньше.

Но сейчас, наконец, приглядимся повнимательнее к расселению народов и племен варяжской Руси. Кстати, и по этому признаку можно говорить о расцвете – к эпохе викингов балтийские славяне распространились шире, чем когда-либо. Лаба уже не была границей на Западе – а на Востоке активно осваивались новые земли.

Кроме того, и сам перечень племен, их отношения уже вполне сложились к VIII веку и более не менялись (за единственным исключением, о котором поговорим чуть позже). С этих самых времен мы впервые можем говорить не гадательно, но утвердительно об ободритах, по всей видимости, занявших главное место в том союзе племен «от Истра до западного океана», что некогда занимали варны. Теперь племенной союз выглядел следующим образом: сами ободриты, или рерики («соколы»), обитали от Любекского залива и Ратиборского озера до низовьев Варны, где стояла их крепость Вурле. На юге их ограничивала река Эльда. Крепостями ободритов были Зверин (ныне Шверин) и Вышемир (Висмар). Баварский Географ также подразделяет самих ободритов на «Нортабтрицов» и «Остабтрицов», т. е. северных и восточных, насчитывая 53 «города» у первых и 100 у вторых, – но больше ни у кого это разделение не встречается. Я уже говорил о том, что ободриты известны и на Дунае – примерно в тех местах, где было государство ругов-русов, и вплоть до нового времени сохранились их специфические обычаи вроде татуировки рук растительным узором. Главным городом ободритов был Велигард, он же, по их имени, Рерик, он же, по-немецки, Мекленбург – то есть «великий город».

Прежние вожди союза племен, варны («во́роны») обитали к востоку от новых, на реке, и поныне носящей их имя – Варне. На юге их владения упирались в ту же Эльду, не заходя дальше Плавского и Мюрицкого озер. Можно поспорить, что старики-варны любили поворчать – вот, мол, когда *мы* были главными – держали земли до самого Дуная, не то, что эти, ясны соколы... проворо... тьфу, просоколили... эх, были времена.

Большую часть современной Голштинии занимали вагры (название того же корня, что и «отвага»), от моря и Травны их земли доходили до Эдгоры, к Неймюнстеру и Сегербергу. Им принадлежал остров Фемарн (Фембра средневековых хроник). Обитая на самом пороге варяжской Руси, на земле, по которой проходил всякий чужак, вагры не строились особо крепко – за стенами городов стояли чуть ли не тростниковые хижинки, которые не жалко было бросить по первой тревоге, когда мужчины брались за оружие, а дети, женщины и старики бежали к крепостям или в леса, если крепость была неблизко. Хлеб прятали в ямы, так что врагу только и оставалось жечь хатки вагров, которыми те особо не дорожили. Точно так же жили славяне на Дунае в шестом столетии по описанию византийцев, точно так же жили на степных окраинах Речи Посполитой и Московского царства в шестнадцатом и семнадцатом веках – не по неумелости, не по бедности (в ямы ссыпали не один хлеб – бывало, и серебро с золотом), а потому, что без толку особо прикладывать руки к жилью, которое сгорит не этим летом, так следующим. Однако, как и антов, как и казаков, не стоило считать вагров несчастными жертвами – наоборот, это были лучшие и опаснейшие воины и морские разбойники на побережье, ни один датский остров, ни один ярд скал или песчаных пляжей Ютландии не мог себя чувствовать в безопасности от набега вагров. «Дания, состоя по большей части из островов и окруженная водами, не легко может уберечься от нападений морских разбойников, потому что в изгибах ее берегов необыкновенно удобно скрываться Славянам; выходя тайком из засады, они наносят ей внезапные удары. Вообще же, Славяне на войне преуспевают наиболее своими засадами. И оттого даже в недавнее время разбойническая жизнь между ними так усилилась, что, пренебрегая всеми выгодами хлебопашества, они вечно были готовы к морским походам и наездам, надеясь на свои корабли, как на единственное средство к обогащению, – писал Гельмольд. – На нападения Датчан они не обращают внимания, и даже считают особенным наслаждением с ними биться». Таковы были эти вагры. Внутри их племени отмечаются еще два меньших – сусельцы и плуни. Главной же крепостью вагрской земли был Старигард (его упорно и совершенно неверно называют СтаргРАдом в нашей литературе, но «град» – это южнославянская форма, венды-варяги вплоть до XVIII века говорили именно «гард»), или, у немцев, Ольденбург. В Старигарде, по свидетельству саксонского хрониста Видукинда Корвейского, почитали медный идол некоего «Сатурна» – увы, бесполезно гадать, какое божество подразумевал монах. Кроме того, в священной дубраве, неподалеку от города, огороженной «искусно сделанной

оградою» и оберегаемой живущим там жрецом, почитался некий «Проне», в котором без особого труда опознается Перун. Населенные пункты Прон через пролив от Рюгена и Пронсторф в земле вагров в средневековых грамотах именуется Перон и Пероне соответственно. Кстати, нынешние немцы об этом прекрасно помнят. Уже знакомый нам Конрад Ботто в «Саксонкой Хронике» утверждает, что в святилище «Проне» хранились знамена, украшенные колокольцами, а сам кумир, перед которым проводился «божий суд» – судившиеся поочередно касались раскаленного лемеха плуга, правый определялся тем, у кого скорее заживут ожоги, – снабдил огромными... ушами. Поляк Стрыйковский, современник Конрада Ботто, точно так же «оборудовал» в своем сочинении золотыми *ушами*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.